СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 2.

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ

ЖУКОВСКАГО,

ПО РУКОПИСИ ПОЭТА.

С. И. ПОНОМАРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1885 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ

ЖУКОВСКАГО,

ПО РУКОПИСИ ПОЭТА.

(С. И. ПОНОМАРЕВА).

Послѣднее произведеніе Жуковскаго, его *лучшая лебединая пѣснь* (какъ онъ самъ называлъ его), было уже напечатано три раза: въ посмертномъ изданіи его сочиненій (1857 г., т. X), въ новомъ изданіи ихъ (1869 г., т. IV) и наконецъ въ послѣднемъ ихъ изданіи (1878 г., т. V). Но редакторы посмертнаго изданія, гр. Блудовъ и Плетневъ, допустили не мало передѣлокъ и уклоненій отъ рукописи поэта, которыя потомъ вошли и въ слѣдующее изданіе, редижированное г. Сербиновичемъ; наконецъ послѣднее изданіе, подъ редакціей г. Ефремова, возстановило текстъ *по корректурѣ* посмертнаго изданія, которая была набрана съ рукописи (безъ всякаго сомнѣнія — *съ копіи* рукописи). Сличая всѣ эти изданія, мы дѣйствительно встрѣтили въ нихъ значительныя разнорѣчія; мало того: въ произведеніи, написанномъ *пятистопными* ямбическими стихами, мы нашли не только трехстопные, четырехстопные, шестистопные и семистопные ямбы, но даже *хореи* разнаго размѣра и наконецъ строки, *не имѣющія никакого подобія стиха* (все это будетъ указано нами въ примѣча-

ніяхъ). Не умѣя объяснить этихъ странностей въ произведеніи поэта, который 54 года писалъ стихами, мы обратились къ Я. К. Гроту съ просьбою — прислать намъ рукопись поэта [1]), для самой тщательной повѣрки ея съ печатнымъ текстомъ и для новаго изданія въ «Сборникѣ» Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Рукопись была прислана немедленно, и вотъ прежде всего отчетъ о ней, составленный послѣ внимательнаго пересмотра.

Рукопись состоитъ изъ *восьми* тетрадей, заключающихъ въ себѣ 69 полулистовъ, занятыхъ стихами. На ней рукою Плетнева надписано, сколько тетрадей и сколько полулистовъ въ каждой тетради занято стихами. Рукопись сохранилась вполнѣ, со всѣми наклейками и приклейками, какъ это видно по нумераціи стиховъ. Вся она писана рукою писца, очевидно вовсе незнакомаго съ постройкой стиха и плохо знавшаго русскую грамоту: онъ пишетъ напр.: «морѣ, Еркуланумъ, оцепѣнелъ, безпамяти, палмъ, здѣлать, людми, лѣжалъ, сенью, кипенья, вѣтхій, по улицы, къ подошвы, изоблекающей, вѣсны и проч. «и проч.; сокращаетъ слова или растягиваетъ ихъ (напр. отчаянія, вм. отчаянья, и наоборотъ), вслѣдствіе чего пропадаетъ стихъ; допускаетъ описки, (въ родѣ «звѣзда одинокое», «Іоарданъ»); часто не ставитъ не только запятыхъ, но и точекъ, или ставитъ запятую послѣ подлежащаго; видимо пропускаетъ слова и такимъ образомъ искажаетъ стихъ. И почти ничего этого не исправилъ и не замѣтилъ полуослѣпшій поэтъ: «написанное мнѣ трудно самому читать...»; — «не могу читать въ связи»—жаловался онъ Плетневу. Между тѣмъ рука самого поэта появлялась въ рукописи нерѣдко; онъ исправлялъ и писалъ новые стихи, карандашомъ и перомъ, но писалъ съ *закрытыми глазами:* «что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію» — писалъ онъ тогда же къ Плетневу. Скоро послѣ того онъ принужденъ былъ покинуть и карандашъ свой и свою машинку, которыми до сихъ поръ пользовался; приписки и поправки продол-

[1]) Это писанная подъ диктовку Жуковскаго камердинеромъ его Василіемъ тетрадь, сохранившаяся въ бумагахъ Плетнева. *Я. Г.*

жались не его рукою, а только съ его словъ, имъ диктованныхъ; а эти слова иногда ошибочно схватывались, еще ошибочнѣе писались. Вслѣдствіе всего этого, иныя поправки въ рукописи весьма неразборчивы, одна смѣняетъ другую, иныя начаты и не окончены, варіанты иногда не зачеркиваются, знаки препинанія не соблюдаются въ должной системѣ, всего чаще встрѣчаются тире, періоды растягиваются стиховъ на 15, на 20 и болѣе. Самый счетъ стиховъ въ рукописи не можетъ служить крѣпкой нитью для переписки; такъ какъ въ ней въ разное время или прибавлялись, или опускались стихи, то нумерація ихъ очень часто измѣнялась; а въ иныхъ мѣстахъ счетъ идетъ такой: 550, 555, *540*, *550*, *555*, и эта ошибка въ 15 стиховъ вовсе не была замѣчена; послѣ 830 стиха встрѣчаемъ 805, 810, 815,...; послѣ 900-го стиха слѣдуютъ 895, 900...; послѣ 1445-го стиха 1425-й и т. далѣе, такъ что справки съ рукописью чрезвычайно затруднительны.

При такомъ положеніи дѣла мы убѣдились, что почитателямъ Жуковскаго *еще предстоитъ установить текстъ и пунктуацію въ этомъ произведеніи его.* Встрѣчаются такія сомнительныя мѣста, которыхъ не рискуешь разрѣшить личными силами; встрѣчаются такіе стихи, которые невозможно допустить въ текстъ. И потому мы приняли на себя сдѣлать только вотъ что: переписать внимательно всю рукопись (конечно, безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ писца); указать въ примѣчаніяхъ только тѣ ошибки, которыя искажаютъ стихъ; привести всѣ замѣчательные варіанты и пропуски, сдѣланные поэтомъ, и помѣстить ихъ въ приложеніи къ поэмѣ; представить свою *попытку* окончательной редакціи и въ примѣчаніяхъ объяснить ея основанія: вотъ нашъ трудъ, который представляемъ на судъ знатоковъ дѣла. Въ рукописи нѣтъ дѣленія на части, — не допустили его и мы; но, слѣдуя прежнимъ изданіямъ, ввели красныя строки тамъ, гдѣ рѣзко измѣняется содержаніе разсказа. При этомъ мы вели счетъ стиховъ и обозначили (по рукописи) время, когда поэтъ писалъ ихъ.

Мы должны остановиться на тѣхъ немногихъ измѣненіяхъ, которыя позволили себѣ внести въ это произведеніе Жуковскаго.

Изъ сказаннаго выше — ясно, что Жуковскій и не успѣлъ и не могъ перечитать свою поэму съ полнымъ вниманіемъ и сообщить ей строгую отдѣлку, такъ свойственную ему. Насъ не останавливаетъ то, что Жуковскій въ свою поэму, писанную пятистопными ямбами, допустилъ стихи разнаго размѣра (3 трехстопныхъ, 49 четырехстопныхъ, 36 шестистопныхъ и 2 семистопныхъ): это встрѣчается и въ другихъ его произведеніяхъ, хотя не въ такомъ количествѣ и не въ такомъ пестромъ смѣшеніи; но насъ останавливаетъ то, какимъ образомъ Жуковскій, этотъ

«Въ бореньи съ трудностью силачъ необычайный»,

какъ называли его князь П. А. Вяземскій и Пушкинъ, допустилъ въ своей ямбической поэмѣ два хорея разнаго размѣра и *двѣнадцать* строкъ вовсе на стихи не похожихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ непремѣнно исправилъ бы эти вопіющія странности, если бы онѣ были ему указаны. Мы вспоминаемъ нѣсколько примѣровъ его внимательности къ менѣе важнымъ замѣчаніямъ. Полевой въ 1825 г. указалъ въ переводѣ «Орлеанской Дѣвы» семь *сряду* стиховъ въ $6\frac{1}{2}$ стопъ — и, не смотря на возстаніе противъ Полеваго шести рецензентовъ, Жуковскій принялъ къ свѣдѣнію замѣчанія его и въ слѣдующемъ изданіи отчасти исправилъ свой переводъ. Еще раньше, въ 1823 году, Плетневъ указалъ въ его переводѣ изъ Гэте нѣсколько изысканныхъ стиховъ, и Жуковскій исправилъ всѣ стихи, осужденные критикомъ. Въ концѣ своей жизни Жуковскій опять исправилъ тѣ стихи въ «Лебедѣ», которые забраковалъ Плетневъ [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ странности, которыя оказываются въ настоящемъ произведеніи Жуковскаго, произо-

---

[1]) См. Особое Прибавленіе къ Моск. Телеграфу 1825 г., № 15, стр. 16—19; Журналъ Изящн. Искусствъ, 1823 г., кн. 2, стр. 126 и слѣд.; Сочиненія Жуковскаго, изд. 1878 г., т. VI стр. 605.

шли не отъ поэта, а отъ его писца. Поэтъ *не могъ* видѣть *каждый* стихъ, *кáкъ* онъ начинается и *кáкъ* оканчивается, и потому не могъ придать каждому стиху законченную метрическую форму; причиной нѣкоторыхъ ошибокъ была слѣпота Жуковскаго, а бòльшею частію ихъ смастерилъ писецъ. Можно ли эти промахи писца считать за неприкосновенную святыню поэта? Неужто они навсегда должны остаться въ произведеніи такого поэта, какимъ былъ Жуковскій? Изъ уваженія къ памяти Жуковскаго, намъ было бы больно оставить такія грубыя ошибки въ его предсмертномъ произведеніи. Князь Вяземскій говорилъ, что эта поэма занимаетъ первенствующее мѣсто не только между твореніями Жуковскаго, но едва-ли не во всей русской поэзіи. Это, конечно, отзывъ дружескаго чувства. Поэма эта не можетъ считаться законченнымъ произведеніемъ, и не въ ней значеніе и подвигъ Жуковскаго, какъ поэта и человѣка. Она важна для біографіи; мы видимъ, *чѣмъ* была занята мысль поэта, — но *кáкъ* она выразилась — это другой вопросъ. Выразиться вполнѣ удачно она не могла у больнаго и слѣпаго художника. Все таки она имѣетъ полное право на наше вниманіе и невольныя грубыя ошибки въ ней должны быть устранены.

На этомъ основаніи мы никакъ не осудимъ графа Блудова и Плетнева за ихъ попытки исправить нѣкоторые стихи. Эти попытки были внушены имъ чувствомъ уваженія къ покойному поэту, желаніемъ устранить случайныя и явныя ошибки. Эти попытки могли возникнуть въ каждомъ, въ комъ дышитъ эстетическое чувство, кто слышитъ гармонію стиха. Правда, не всѣ поправки ихъ были удачны; но... сказать, что онѣ *«всѣ безъ исключенія въ ущербъ тексту Жуковскаго»*, назвать ихъ *«канцелярской прозой»*... не осмѣлился бы и самъ Жуковскій. Мы знаемъ, что онъ неразъ посылалъ гр. Блудову и Плетневу свои стихи для замѣчаній и поправокъ и нерѣдко соглашался съ ними. Жуковскій еще въ 1817 году *заочно* называлъ статьи Блудова «прекрасными, капитальными»; Жуковскій печатно заявлялъ ему *«Твой вкусъ былъ мнѣ учитель»* (I, 161). Жуковскій внимательно

прислушивался и къ замѣчаніямъ Плетнева, съ которымъ любили совѣтоваться Баратынскій, кн. Вяземскій и самъ Пушкинъ.

Вслѣдствіе всего этого мы позволили себѣ внести въ текстъ *нѣкоторыя* поправки гр. Блудова и Плетнева, оговоривъ ихъ въ примѣчаніяхъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ тексту поэмы, приведемъ изъ писемъ Жуковскаго нѣкоторыя мѣста, къ ней относящіяся.

Мысль обработать легенду о Странствующемъ Жидѣ возникла у Жуковскаго еще въ 1841 году, и онъ написалъ первые 20 стиховъ. Потомъ болѣе 10 лѣтъ онъ за нее не принимался, и только намекалъ о ней Плетневу въ 1848 году: «Еще для одного поэтическаго созданія есть планъ. Оно было бы достойнымъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности. Но не знаю, слажу ли съ предпріятіемъ мысленнымъ». (VI, 592).

Въ январѣ 1850 г., онъ писалъ Гоголю: «Хотѣлось бы пропѣть мою лебединую пѣснь, хотѣлось бы написать моего «Странствующаго Жида»... Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ «Странствующаго Жида»... тебѣ извѣстенъ; я тебѣ его разсказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе какъ изъ двадцати стиховъ. Что же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны? А вотъ что. Мнѣ нужны локальныя краски Палестины. Ты ее видѣлъ, видѣлъ глазами христіанина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ просто (какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ разсказывающій: что, гдѣ съ нимъ было) то, что ты видѣлъ въ Святой Землѣ; я бы желалъ имѣть предъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Іосафатовой, Элеонской горы, Виѳлеема, Мертваго моря, пустыни искушенія, Ѳавора, Кармила, степи, Тиверіадскаго озера, долины Іорданской — все это вѣроятно ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется; мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ идеямъ прибавится много новыхъ,

которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою» (VI, 613 — 614).

Гоголь отказался. Онъ отвѣчалъ чрезвычайно оригинальнымъ и интереснымъ письмомъ, въ которомъ представилъ (по словамъ Жуковскаго) одно негативное изображеніе того, что онъ видѣлъ въ Св. Землѣ. «Сообразилъ ли ты, чего просишь (пишетъ онъ Жуковскому), прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, которая должна быть вмѣстѣ и внутренней исторіей твоей собственной души». (Соч. Гоголя, 1857 г., VI, 477 — 481). Послѣднія слова — чрезвычайно вѣрная характеристика поэмы Жуковскаго. Отвѣчая Гоголю, Жуковскій писалъ: «Хотѣлось бы Вѣчнаго Жида успокоить; этотъ трудъ можетъ быть результатомъ теперешнихъ трудовъ моихъ».

Не получивъ удовлетворенія отъ Гоголя, Жуковскій досталъ себѣ у стутгартскаго священника И. И. Базарова «описаніе Палестины съ картинами», славянскую библію, и по нимъ готовился къ своему труду.

Лѣтомъ 1851 года Жуковскій заболѣлъ воспаленіемъ глазъ и просидѣлъ 10 мѣсяцевъ въ темной комнатѣ, и въ этомъ затворничествѣ сталъ продолжать свою поэму. Это было за 9 мѣсяцевъ до его смерти. «Предметъ имѣетъ гигантскій объемъ — писалъ онъ къ А. П. Елагиной — дай Богъ, чтобъ я выразилъ во всей полнотѣ то, что въ нѣкоторыя свѣтлыя минуты представляется душѣ моей: если изъ моего гиганта выйдетъ карликъ, то я не пущу его въ свѣтъ». Поэтъ называлъ «гигантскимъ» объемъ своего труда, вѣроятно, потому, что намѣревался включить въ него и свое переложеніе Апокалипсиса, но потомъ онъ это переложеніе сжалъ въ 60 стиховъ.

Въ сентябрѣ 1851 г. онъ писалъ Плетневу: «я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ неразвитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ.

Вдругъ дѣло само собой началось: все льется извнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читаютъ мнѣ то, что нужно и чего самъ читать не могу именно въ то время, когда оно мнѣ нужно для хода впередъ. Что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію. Въ связи же читать не могу безъ него. Такимъ образомъ лѣплю поэтическую мозаику и самъ еще не знаю, каково то, что до сихъ поръ слѣплено ощупью; кажется однако живо и тепло. Содержанія не стану разсказывать: дай Богъ кончить! Думаю, что уже около половины (до 800 стиховъ) кончено. Если *напишется такъ, какъ думается*, то это будетъ моя лучшая лебединая пѣснь». (VI, 601).

Въ ноябрѣ того же года Жуковскій просилъ Базарова: «Помогите моему невѣжеству, напишите вкратцѣ, какъ изъясняетъ наша церковь или наши церковные писатели главныя видѣнія Апокалипсиса? Это мнѣ весьма нужно, для чего — скажу послѣ; но вы весьма меня обяжете, если просвѣтите мое невѣжество. Смыслъ главныхъ видѣній апостола мнѣ нуженъ въ поэтическомъ отношеніи». (VI, 651). Тогда же онъ проситъ у Базарова исторію библейскую митрополита Филарета, ея продолженіе — епископа пензенскаго Иннокентія (Смирнова), книгу Муравьева и переводъ псалмовъ. — Объясненія Апокалипсиса Жуковскій не досталъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни (1852), уже въ мартѣ мѣсяцѣ, отзываясь съ великою скорбію на нежданую вѣсть о смерти Гоголя, Жуковскій пишетъ: а я, и собирался ему отвѣчать, и хотѣлъ дать ему отвѣчать, и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей теперешней стихотворной работѣ, то есть, хотѣлъ поговорить съ нимъ подробно о моемъ «Жидѣ», котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по-сердцу — и, занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ... И вотъ уже его нѣтъ!»

Жуковскій конечно не предчувствовалъ, что черезъ мѣсяцъ и его самого не станетъ...

За два дня до смерти онъ говорилъ своему духовнику (тому же Базарову): «Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы знали, что́ послѣ меня останется. Я написалъ поэму: она еще не кончена; я писалъ ее слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ», въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня... Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ по-нѣмецки. Но Юстинъ Кернеръ берется перевести ее въ стихахъ»...

12 апрѣля 1852 г. (по новому стилю) поэтъ прервалъ свою поэму: *12 апрѣля* (по старому стилю) прервалась его жизнь.

Читатели уже знаютъ, что къ столѣтнему юбилею Жуковскаго явился въ Баденъ-Баденѣ прекрасный, очень близкій къ подлиннику переводъ этой поэмы, сдѣланный г-жею Жадовскою.

С. Пономаревъ.

1-го декабря 1883 г.
Конотопъ.

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

(начато 8-го [20-го] іюля 1851 г. въ Баденѣ).

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на Голгоѳу;
Онъ, Всемогущій, Вседержитель, былъ
Какъ человѣкъ измученъ; потъ и кровь
По блѣдному Его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ Онъ часто падалъ,
Вставалъ съ усиліемъ, переводилъ
Дыханіе; потомъ, шаговъ немного
Переступивъ, подъ ношей снова падалъ.
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, Онъ хотѣлъ остановиться
У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному столь чуждому любви,
И сѣтуя о томъ, что долженъ былъ
Надъ нимъ изречь какъ Богъ свой приговоръ,
Онъ поднялъ грустный взглядъ на Агасвера
И тихо произнесъ: «ты будешь жить,

Пока Я не приду». И удалился.
И наконецъ Онъ палъ подъ ношею совсѣмъ
Безъ силы. Крестъ тогда былъ возложонъ
На плечи Симона изъ Киринеи, —
И скоро Онъ исчезъ вдали, и вся толпа
Исчезла вслѣдъ за Нимъ. Все замолчало
На улицѣ ужасно опустѣлой.
Народъ вокругъ Голгоѳы за стѣнами
Ерусалимскими столпился. Городъ
Сталъ тихъ какъ гробъ. Одинъ, оцѣпенѣлый,
Въ дверяхъ своихъ недвижимъ Агасверъ
Стоялъ. И долго онъ стоялъ, не зная,
Что съ нимъ случилося, чьи были тѣ
Слова, которыхъ каждый звукъ
Свинцовой буквой въ мозгъ его былъ вдавленъ, тамъ
Сидѣлъ неисторжимъ, не слышенъ уху,
Но страшно слышенъ въ глубинѣ души.

Вотъ, наконецъ, вокругъ себя обведши
Какъ полусонный очи, онъ со страхомъ
Замѣтилъ, что на Мо́ріи, надъ храмомъ,
Чернѣли тучи, съ запада, съ востока,
И съ сѣвера, и съ юга, (всѣ) въ одну густую
Сліявшіяся тьму. Туда упёръ онъ
Испуганное око. Вдругъ крестъ-на́-крестъ
Тамъ молніей разрѣзалася тьма;
Громъ грянулъ; чудный отзывъ въ глубинѣ
Святилища отвѣтствовалъ ему,
Какъ будто тамъ разорвалась завѣса.
Ерусалимъ затрепеталъ—и весь
Внезапно потемнѣлъ, лишенный солнца;
И въ этой тьмѣ земля дрожала подъ ногами;
Изъ глубины ея былъ голосъ; было
Теченье въ воздухѣ безплотныхъ слышно;

Во мракѣ образы возставшихъ
Изъ гроба, вдругъ явясь, смотрѣли
Живымъ въ глаза. Толпами отъ Голгоѳы
Бѣжалъ народъ; былъ слышенъ шумъ
Бѣгущихъ; но ужасно каждый про себя
Молчалъ. Тутъ Агасверъ, въ смертельномъ страхѣ,
Очнувшись, неоглядкой побѣжалъ
Вслѣдъ за толпою отъ своихъ дверей,
Не зная самъ куда, и въ ней исчезъ.
Тѣмъ временемъ утихъ Ерусалимъ.
Во мглѣ громадой безобразной зданья
Чернѣли. Жители всѣ затворились
Въ своихъ домахъ, и все тяжелымъ сномъ
Заснуло. Вотъ надъ этой темной бездной
Отъ тучъ, ихъ затмевавшихъ, небеса,
Ужъ полныя звѣздами ночи, стали чисты:
Въ ихъ глубинѣ была невозмутима
Неизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалося тамъ,
Какъ отъ звѣзды къ звѣздѣ перелетали
Ихъ стражи ангелы, съ невыразимой
Гармоніей блаженной, чудной вѣсти. Прямо
Надъ Элеонскою горой звѣзда
Денницы подымалась. Агасверъ,
Всю ночь по улицамъ Ерусалима
Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,
Вдругъ очутился за стѣнами града,
Передъ Голгоѳой. На горѣ пустой,
На чистомъ небѣ, ярко три креста
Чернѣли. У подошвы темной
Горы — былъ входъ въ пещеру, и великимъ камнемъ
Онъ былъ задвинутъ; не вдали, какъ двѣ
Недвижимыя тѣни, въ сокрушеньи
Двѣ женщины сидѣли, устремивъ

Глаза—одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя ихъ, и камень,
И на горѣ кресты, затрепеталъ
Всѣмъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,
Что грозный камень на него идетъ,
Чтобъ задавить: и, какъ безумный,
Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голгоѳы...

*

Есть островъ; онъ скалою одинокой
Подъемлется изъ бездны океана;
Вокругъ него все пусто: безпредѣльность
Воды и безпредѣльность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, онъ кажется тогда,
Въ сіяньи дня, уединенно-мрачнымъ
Пустынникомъ лазури безпредѣльной;
Въ ночи жъ, спокойнымъ моремъ отраженный
Между звѣздами, въ двухъ кругомъ него
Пучинахъ блещущими, онъ чернѣетъ,
Какъ сумрачный отверженецъ созданья.
Когда жъ на небѣ тучи, въ морѣ буря
И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны
Бросаются какъ змѣи вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Вонзаются, ихъ ребръ не сокрушая:
Онъ кажется, въ семъ боѣ недвижимый,
Всемірнаго хаоса господиномъ.

На западномъ полнебѣ знойно солнце
Горѣло, воздухъ густо былъ наполненъ
Парами. Въ нихъ какъ бы растаявъ, солнце
Сливалось съ ними, и весь западъ неба,

И все подъ нимъ недвижимое море
Пурпурнымъ янтаремъ сіяли; было
Великое спокойствіе въ пространствѣ.
Въ глубокой думѣ, руки на груди
Крестъ-нá-крестъ сжавъ, онъ, вождь побѣдъ недавно
И страхъ царей, теперь царей колодникъ,
Сидѣлъ одинъ, надъ бездной на скалѣ,
И нá море (которое предъ нимъ
Такъ было тихо и, весь пламень неба
Въ себя впивая всей широкой грудью,
Имъ полное, дыханьемъ несказаннымъ
Вздымалося) смотрѣлъ. Предъ нимъ широко
Пустыня пламенная разстилалась.
Съ ожесточеньемъ безнадежной скорби,
Глубоко врѣзавшейся въ сердце,
Съ негодованьемъ силы, вдругъ лишенной
Свободы, онъ смотрѣлъ на этотъ хáосъ
Сіянія, на это съ небесами
Сліявшееся море. Тамъ лежалъ
И самому ему уже незримый міръ,
Имъ быстро созданный и столь же быстро
Погибшій; а широкій океанъ,
Предъ нимъ сіявшій, гдѣ ничто слѣдовъ
Величія его не сохранило,
Терзалъ его обиженную душу
Безчувственнымъ величіемъ своимъ,
Съ какимъ его въ своей темницѣ влажной
Онъ запиралъ. И онъ съ презрѣньемъ взоры
Отъ бездны отвратилъ, и окомъ мысли
Перелетѣлъ въ страну минувшей славы.
Тамъ образы великіе предъ нимъ,
Сраженій тѣни, призраки тріумфовъ,
Какъ изъ-за облакъ огненныя Альповъ
Вершины, подымались; а въ дали далекой

Звучалъ потомства неумолкный голосъ;
И мнилося ему, что на порогѣ
Иного міра встрѣтить ждутъ его
Величества всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.
Но въ этотъ мигъ, когда воспоминаньемъ
Въ минувшемъ гордой мыслью онъ леталъ,—орелъ
Ширококрылый, съ бездны моря быстро
Взлетѣвъ на высоту, промчался мимо
Его скалы и въ высотѣ пропалъ.
Его полетомъ увлеченный, онъ
Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орелъ исчезъ въ глубокомъ небѣ. Тяжкимъ
Свинцомъ его полетъ непритѣснимый
На сердце палъ ему, — и ужасъ весь его
Судьбы, какъ голова смертельная Горгоны,
Ему предсталъ; всѣ привидѣнья славы
Минувшей вдругъ исчезли; и одинъ
Постыдный, можетъ быть—и долгій путь
Отъ тьмы тюремной до могильной, гдѣ
Ничтожество... И онъ затрепеталъ;
И душу всю ему проникло отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на море; и оно его
Къ себѣ какъ будто звало, и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало;
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила... въ этотъ мигъ его
Глазамъ, какъ будто изъ земли рожденный,

На западѣ скалы, огромной тѣнью
Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто, и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: «Наполеонъ!»... При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришелецъ для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно
Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ.... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все не человѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ было
Давнишнее, когда-то вдругъ — подобно
Созданьямъ допотопнымъ — въ камень
Неумирающій и неживущій
Преобращенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глубоко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылитыми; лобъ
И щеки блѣдныя, какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на́-крестъ были

Изрѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ-бы въ нее
Не упираяся. Пришлецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Пронзительныя очи, и сказалъ:
«Куда ты шелъ? И гдѣ-бъ ты былъ, когда-бъ
Мой голосъ вó-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя;
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, голосъ
Безъ отзыва.... Врачемъ твоей души
Хочу я быть — и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала;
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было, и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти,
И съ смертью — жизни; вѣчно по землѣ
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый; памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный;
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и, чтó когда любилъ на свѣтѣ,
Все переживщій, все похоронившій;
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настаетъ, ночь настаетъ, они
Безъ смѣны для меня; жизнь не проходитъ,

Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратій бытія,
Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любя́щихъ иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этомъ братскомъ пиршествѣ созданій
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій, — меня они
Не замѣчаютъ; стражду, какъ никто
И сонный не страдалъ, — мое жь страданье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка:
Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: зачѣмъ же
Сюда пришелъ я, чтобъ такой
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою.... Слушай:

Я — Агасверъ, не сказка Агасверъ,
Которою кормилица твоя
Тебя въ ребячествѣ пугала, — нѣтъ! о, нѣтъ!
Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровью,
Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ сердцемъ
И съ помнящей минувшее душою;
Я Агасверъ — вотъ исповѣдь моя.
О, нѣтъ! языкъ мой повторить не можетъ
Живымъ, для слуха внятнымъ словомъ
Того, что нѣкогда свершилось, что
Въ проклятіе жизнь бѣдную мою

Преобратило, — имя Агасверъ
Тебѣ сказало все.... Нѣтъ! въ языкѣ
Моемъ такого слова не найду я,
Чтобъ то́ изобразить, что́ былъ я са́мъ,
Что́ мыслилось, что́ видѣлось, что́ ныло
Въ моей душѣ, и что въ ночахъ безсонныхъ,
Что́ въ тяжкомъ снѣ, что́ въ привидѣньяхъ,
Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни,
Которые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается и въ страхѣ ждешь
Удара громоваго... въ тѣ дни несказа́нной
Тоски и трепета, со дня Голгоѳы
Прошедшіе!... Ерусалимъ былъ тихъ,
Но было то предтишье подходящей
Бѣды; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,
Потупленность головъ, походки шаткость,
И подозрительность суровыхъ взглядовъ —
Все было знаменьемъ чего-то, страшно
Постигнувшаго всѣхъ, чего-то, страшно
Постигнуть всѣхъ грозящаго. Кругомъ
Ерусалимскихъ стѣнъ какой-то мрачный,
Невѣдомый во градѣ никому,
Бродилъ, и крикомъ жалобнымъ, на всѣхъ
Концахъ всечасно въ градѣ слышнымъ: «горе!
Отъ запада и отъ востока горе!
Отъ сѣвера и отъ полудня горе!
Ерусалиму горе!» повторялъ.
А я изъ всѣхъ людей Ерусалима
Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей,
Мечталось мнѣ, страшнѣйшая — моя,
Чудовище съ лицемъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но оттого
Стократъ ужаснѣйшимъ. Что Онъ сказалъ мнѣ?

Я словъ Его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни ночь меня
Не покидали; — яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ Него,
Который силой слова одного
Такъ жизнь мою убилъ; я приговора
Его могуществу не вѣрилъ; я
Упорствовалъ обманщика въ Немъ видѣть;
Но чувствовалъ, что я приговоренъ....
Къ чему?... Невѣдѣнья ужасный призракъ,
Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,
Стоялъ передо мной — и мучилъ страхомъ
Неизглаголаннымъ меня. Протúвъ
Обиженнаго мной и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непóнятымъ мной, словомъ
Изрекшаго, и прóтивъ всѣхъ Его
Избранниковъ я былъ неукротимой
Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой
Неодержимы; кто встрѣчался въ градѣ
Смиренный видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный
Въ движеніяхъ, въ опрятномъ одѣяньи,
Безъ роскоши, ужъ тотъ конечно былъ
Слугой Іисуса Назорея. Въ ихъ
Собраніяхъ вседневно совершалось
О Немъ воспоминанье: часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было
Ихъ пѣнье слышимо; они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ
Благую вѣсть о Немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ, незлобныхъ;

И эта злоба скоро разразилась
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ
И наконецъ убійствомъ. Я какъ дикій
Звѣрь ликовалъ, когда былъ передъ храмомъ
Стефанъ, побитый каменьемъ, замученъ;
Когда потомъ пріяли муку два
Іакова, одинъ мечемъ, другой
Съ вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слухъ, что Петръ былъ распятъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,
Что въ нихъ, свидѣтеляхъ Его, и память
О Немъ погибнетъ. Тщетная надежда!
Во мнѣ тоска отъ страха неизвѣстной
Мнѣ казни только раздражалась. Я,
При Иродѣ царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,
Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли, властвовалъ четвертый — Неронъ.
Столѣтіе ужъ на плечахъ моихъ лежало;
Вокругъ меня четыре поколѣнья
Цвѣли въ одномъ семействѣ: сыновья,
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ
Моемъ садились за мою трапезу....
Но я со дня того въ живомъ ихъ кругѣ
Все болѣе и болѣ чуждъ, и сиръ,
И нелюдимъ, и грустенъ становился:
Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодръ,
Ни старъ, ни молодъ, но что жизнь моя
Желѣзно-мертвую пріобрѣла
Несокрушимость. Самому себѣ,
Среди моихъ живыхъ дѣтей, и внуковъ,
И правнуковъ, казался я надгробнымъ,
Межъ ихъ могилъ стоящимъ камнемъ;
И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ

Объятыхъ тлѣньемъ труповъ. Всѣ ужъ дѣти
И всѣ ужъ внуки были взяты смертью,
И правнуковъ съ невыразимымъ горемъ
И бѣшенствомъ я началъ хоронить....

Тѣмъ временемъ часъ-о́тъ-часу душнѣе
Въ Ерусалимѣ становилось. Зная
Что́ будетъ, всѣ Іисуса Назорея
Избранники покинули убившій
Учителя ихъ городъ и ушли
За Іорданъ. И все, и все сбывалось,
Что предсказалъ Онъ: — Палестина вся
Горѣла бунтомъ, легіоны Рима
Терзали области ея; и скоро
Приблизился къ Ерусалиму часъ
Его судьбы: то время наступило,
Когда, какъ Онъ пророчилъ, «благо будетъ
Сошедшимъ въ гробъ, и го́ре матерямъ
Съ младенцами грудными, горе старцамъ
И юношамъ, живущимъ въ градѣ, горе
Изъ града не ушедшимъ въ горы дѣвамъ».
Веспасіановъ сынъ — извнѣ — пути
Изъ града всѣ загородилъ, вогнавъ
Туда насильно моръ и голодъ;
Внутри господствовали буйство, бунтъ,
Усобица, безвластье, безначалье,
Владычество разбойниковъ, извнѣ
Прикликанныхъ своими на своихъ.
Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
Грабителей, грабителей отъ града, града
Отъ легіоновъ Тита.... Всюду бой;
Первосвященниковъ убійство въ храмѣ;
На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
Отъ голода, отъ муки передсмертной,

Отъ яростной борьбы за кусъ согнившей
Ѣды, ревъ мятежа, разврата пѣсни,
Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ гóлодныхъ
Младенцевъ, матерей тяжелый вой....
И въ высотѣ надъ этой бездной днемъ —
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Изъ труповъ, въ градѣ и внѣ града
Разбросанныхъ; въ ночи жъ, какъ Божій мечъ, —
Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
Разрѣзавшая по поламъ, Ерусалиму
Пророча гибель.... И погибнуть весь
Израиль обреченъ былъ; отовсюду
Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пасхальнымъ
Въ Ерусалимъ, народъ былъ разомъ преданъ
На истребленье мстительному Риму.
И всѣ истреблены:... убійствомъ, гладомъ,
Въ когтяхъ звѣрей, прибитые къ крестамъ,
Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ на чужбинѣ.
Погибъ Господній градъ, и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ часомъ!
Когда въ него, всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ и бросился на храмъ, —
Народъ въ его толпу, изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался, и съ ней сцѣпившись,
Вслѣдъ за собой ее вовлекъ въ средину
Ограды: бой ужасный, грудь-на-грудь,
Тутъ начался; и наконецъ, спасаясь,
Вкругъ скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы, отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ.... Тутъ увидѣлъ
Я несказáнное: подъ святотатной
Рукою скинія открылась, стало

Намъ видимо невиданное оку
Дотоль — ковчегъ завѣта.... въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ, и въ скинію пожаръ
Ворвался... Мы, весь гибнущій Израиль,
И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
Слилися крикъ, одни завывъ отъ горя,
А тѣ заликовавъ отъ торжества
Побѣды.... Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный, гору
Обвившій змѣй, чернѣло войско Рима.
И въ этотъ мигъ.... все для меня исчезло!
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ — почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились;
Безпамятство мной овладѣло.... долго-ль
Продлилося оно? — не знаю. Я
Пришелъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ все
Въ одно смѣшалося страданье: боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей, и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запертаго тоска, и жаръ болѣзни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла
Возстановляющей при страшной мукѣ
И голода и жажды — это все
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятенномъ, судорожномъ снѣ — безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ,
Какъ тяжкой грезой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Тѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо зарытыхъ

Въ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ
И невредимъ: разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они изверглн,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигнулъ,
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя; межъ нихъ лежали
Долины, и онѣ покрыты были
Обломками — какъ будто-бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившися съ неба,
Внезапно завалилъ, и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живаго человѣка: —
То былъ Ерусалимъ! Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза — и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ:
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: «Ты будешь жить,
Пока Я не приду». Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину:
Я буду жить! я буду жить, пока
Онъ не придетъ!... Какъ жить?... Кто Онъ? когда
Придетъ?... И все грядущее мое
Мнѣ выразилось вдругъ въ остóвѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Мое минувшее исчезло все;
Все, жившее со мной, убито; тамъ
Ничто ужъ для меня не оживетъ

И не родится, — жизнь моя вся будетъ
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима,
И жизнь безъ смерти. Въ бѣшенствѣ завылъ я
И бѣшеное произнесъ на все
Проклятіе, — безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней,
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно —
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ — въ ея
Сіяньи тайную отрады каплю
Я съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья выпилъ... но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Чтó съ онаго я испыталъ мгновенья!
О, какъ я плакалъ, какъ вопи́лъ, какъ дико
Роптал, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ... Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ, слова́
Страдальца Іова я повторялъ:
«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался; да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдетъ ей день, ей — незапе́ршей
Меня родившую утробу!» А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
«Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаетъ его», —
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ... Передо мною все

Рождалося и въ часъ свой умирало:
День умиралъ въ зарѣ вечерней; ночь
Въ сіяньи дня; сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ;
Когда съ деревьевъ падалъ листъ; все, въ чемъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью: одна лишь смерть —
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть —
Всему, что жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть; жизнь же
Во всемъ твореніи я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобой на творенье, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца
И съ несказа́нной ненавистью противъ
Распятаго — отчаянно пошелъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая,
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ, грозною нуждо́й влекомый,
Между́ людьми какъ нищій безпріютный,
Я побирался... Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лептъ, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ —
Что́ было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни

Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу.
И вмѣстѣ съ смертію былъ у меня
И сонъ — успокоитель жизни — отнятъ.
Чтó днемъ въ моей душѣ кипѣло: — ярость
На жизнь, богопроклятія, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины —
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце — боль: то въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стóя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отраднѣй тихой,
Украшенной звѣздами ночи: тамъ
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
(Тамъ одинокая межъ одинокихъ,
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ),
Какъ-бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
«Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!» то было крикомъ
Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ
На горькую мнѣ зависть гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно

Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись тучи
И тамъ кипѣли молніи, туда
Взбирался я, въ надеждѣ тамъ погибнуть:
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утесы, — я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда бѣдная, что — можетъ быть —
Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьметъ: и съ чумными, въ больницѣ душной,
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ:
Напрасно! мной чума пренебрегала....
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной Аравійской шелъ;
Вдругъ раскаленное затмилось небо
И солнце въ немъ исчезло: вихрь
Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
На насъ; храпя въ песокъ уткнули морды
Верблюды; люди пали ницъ: я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ остóвовъ, на пиру
Орловъ, сдирающихъ съ костей остатки
Истлѣвшихъ труповъ. Въ тотъ ужасный день,
Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
И пепелъ завалилъ Помпею, я
Природы судорогой страшной былъ
Обрадованъ: при стонѣ и трясеньи

Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей изъ треснувшаго чрева,
При воѣ, крикѣ, давкѣ, шумѣ въ бѣгство
Толпящихся сквозь пепелъ все затмившій,
Въ которомъ, ничего не озаряя,
Сверкалъ невидимый пожаръ горы,
Отчаянно пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, вмигъ прожженный, въ уголь
Былъ обращенъ, и въ море,
На брегъ гонимое землетрясенья силой,
Былъ вынесенъ, а моремъ снова брошенъ
На брегъ, на произволъ землетрясенью.
То былъ послѣдній опытъ мой — насильствомъ
Взять смерть. Я сталъ подобенъ гробу,
Въ которомъ запертой мертвецъ, оживши
И съ крикомъ долго бившись понапрасну,
Чтобъ вырваться изъ душнаго заклепа,
Вдругъ умолкаетъ — и послѣдней ждетъ
Минуты задыхаясь: такъ въ моемъ
Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
Отчаянно моя душа. Всему
Конецъ: живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньемъ
Уста и замолчи на вѣчность — такъ
Сказалъ я самому себѣ.

Но слушай.
Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ — и христіанъ

Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ. Трепетъ
Неизглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
(12 сентября) Въ амфитеатръ. И что́ моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей тамъ собранныхъ. Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую блескъ солнца багря́нилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій, съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки,
«Тебя (запѣли тихо) Бога хвалимъ,

Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ»... О! это пѣнье—
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ
Съ кипѣньемъ злобы — здѣсь мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдохновеньемъ.
Чтó предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Чтó вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И кáкъ, въ амфитеатръ ворвавшись,
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ христіанъ тамъ очутился я —
Не знаю. Пѣнье продолжалось; но
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка загремѣвъ упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ, и озирался....
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ.... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ.... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря.... Онъ уже къ намъ мчался
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ кротко, въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должнó пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди».
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ.... но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня ему
(13 сентября) Передавая.... О, животворящій,

На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя. Когда жъ очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ, и усталый
Терзаніемъ лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклепѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я
Отъ мѣста крови плача удалился
И изъ воротъ амфитеатра безпреградно вышелъ.
Чтó послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда,- мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучъ спасенія. Какъ будто что-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась на двое; стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубóко мнѣ втѣснилось въ грудь, и знáкомъ
Такого измѣненья было то,
Что проклинаніе моимъ устамъ

Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость
Безмолвно-плачущую обратилась,
Что наконецъ страданія мои
Внезапная отрада посѣтила,
Еще неоткровенная — какъ свѣжій,
(14 сентября) Предутренній благоуханный воздухъ —
Вливалася въ меня и усмиряла
Мою борьбу съ собой. О! этотъ взглядъ...
Онъ мнѣ напомнилъ Тотъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой приговоръ
Произнесенъ... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаньи,
А скорбію раскаянья глубокой,
И чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лице во прахъ и горько плакать.
То были первыя минуты тайной,
Будящей душу благодати, первый,
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ
Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ внезапно началося.... было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
(15 сентября) Бросаются, кипятъ и стонутъ. Въ этой
Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ, я
Неодолимое влеченье въ край

Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима. И къ брегамъ желаннымъ
Немедля поплылъ я; корабль мой
Прибила буря къ острову Патмосу. Промыслъ
Господній втайнѣ отъ меня ту бурю
Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, старецъ
Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель
Христа и ученикъ Его любимый.
О немъ не вѣдалъ я.... Но Провидѣнье
Меня безвѣдомо къ нему путемъ
Великой бури привело, и цѣпью бури
Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
Скалистымъ острова, пока со мной
Вполнѣ моя судьба не совершилась.

Скитаясь одиноко, я внезапно
Во глубинѣ долины, сокровенной
Отъ странника густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ тамъ святого
Апостола»....
При этомъ словѣ палъ
На землю Агасверъ и долго
Лежалъ недвижимъ, головой во прахѣ;
Когда жъ онъ всталъ, его слезами были
Облиты щеки; а въ чертахъ его
Тысячелѣтняго лица, съ глубокой
Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ
Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той красою
(16 сентября) Какой не знаетъ міръ. Онъ продолжалъ:

«Ни помышлять, ни говорить объ этой встрѣчѣ
Я не могу иначе, какъ простершись въ прахъ,

Въ тоскѣ раскаянья, въ тоскѣ любви,
Проникнутой огнемъ благодаренья.
Онъ изъ кремня души моей упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ искру
Всепримиряющаго покаянья;
И именемъ Того, кто намъ Одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,
Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святого мира.
И наконецъ, когда я, сокрушенный,
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной, съ смиреннымъ сердцемъ
Упавъ, воскликнулъ: «Помяни меня,
Когда во царствіи Своемъ пріидешь!»
Онъ оросилъ меня водой крещенья.
И на другое утро — о, незаходимый,
О, вѣчный день для памяти моей!
За утренней звѣздою солнце тихо
Надъ моремъ подымалось на востокѣ,
Когда онъ, передъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина со мной простершись, самъ вина и хлѣба
Вкусилъ и мнѣ ихъ далъ вкусить, сказавъ:
«Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сынъ мой,
Къ симъ тайнамъ приступи и причастись
Спасенію души въ святомъ Христа
За насъ пронзенномъ тѣлѣ и въ Христовой
За насъ пролитой крови». И потомъ
Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ открылъ
Значеніе моей, на испытанье
Великое приговоренной жизни;
И наконецъ передъ моими, мракомъ
Покрытыми очами приподнялъ
Покровъ съ грядущаго, покровъ съ того,
Что было, есть и будетъ.

Начинало
Скрываться солнце въ тихомъ лонѣ моря,
Когда, меня перекрестивъ, со мною
Святый евангелистъ простился. Вѣтеръ,
Попутный плаванію въ Палестину,
Сталъ дуть: мы поплыли подъ звѣзднымъ небомъ
Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые
Преображеніе моей судьбы
Я глубоко́ почувствовалъ; впервые,
Уже сто лѣтъ меня не посѣщавшій,
Сошелъ ко мнѣ на вѣжды сонъ, и съ нимъ
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этотъ сонъ
Былъ не одинъ страданія цѣлитель —
Былъ ангелъ, прямо низлетѣвшій съ неба:
Все, что́ пророчески евангелистъ
Великій чудно говорилъ мнѣ,
То въ о́бразахъ великихъ этотъ сонъ
Явилъ очамъ моей души, и въ ней
Тѣ образы, въ теченіе столѣтій
Непомраченные, часъ о́тъ часу
Живѣй изъ о́блекающей ихъ тайны
(17 сентября 1851) Моей душѣ сіяютъ, передъ ней
Неизглаголанно прообразуя
(17 февраля 1852) Судьбы грядущія. Корабль нашъ, вѣтромъ
Попутнымъ тихо по водамъ несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь
Летѣлъ; а я непробудимымъ сномъ,
Подъ вѣяньемъ полуденной прохлады,
Спалъ, и во снѣ стоялъ передо мной
Евангелистъ и вдохновенно онъ
Слова тѣ огненныя повторялъ,
Которыми, бесѣдуя со мною,
Передъ моимъ непосвященнымъ окомъ

Разоблачилъ грядущаго судьбу;
И каждое пророка слово, въ слухъ мой
Входя, въ великій превращалось образъ
Передъ моимъ тѣлеснымъ окомъ. Все,
Что̀ ухо слышало, то зрѣли очи;
И въ словѣ говорящаго со мною
Во снѣ пророка всѐ передо мной,
И надо мной, на сушѣ, на водахъ,
И въ вышинѣ небесъ, и въ глубинѣ
Земли, видѣній чудныхъ было полно.
  Я видѣлъ тронъ, на четырехъ стоящій
Животныхъ шестокрылыхъ, и на тронѣ
Сидящаго съ семью запечатлѣнной
Печатями великой книгой.
Я видѣлъ, какъ печати съ книги Агнецъ
Сорвалъ, какъ изъ печатей тѣхъ четыре
Коня исторглися, какъ страшный всадникъ — смерть —
На блѣдномъ поскакалъ конѣ, и какъ
Предъ Агнцемъ все — и небо, и земля,
И все, что въ глубинѣ земли, и все,
Что въ глубинѣ морей, и небеса,
И всѣ тьмы ангеловъ на небесахъ —
Въ единое слилось славохваленье.
(19 февраля) Я зрѣлъ, какъ ангелъ свѣтлый совершилъ
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье
Печатію живаго Бога; зрѣлъ
Семь ангеловъ съ великими, гнѣвъ Божій,
Бѣды и казнь гласящими трубами,
И слышалъ голосъ: «время миновалось!»
Я видѣлъ, какъ драконъ, губитель древній,
Вслѣдъ за женой, двѣнадцатью звѣздами
Вѣнчанной, гнался; какъ жена въ пустыню
Спаслася, а ея младенецъ былъ
На небо унесенъ; какъ началася

Война на небесахъ, и какъ архангелъ
Низвергъ дракона въ бездну и его
Всю силу истребилъ; и какъ потомъ
Изъ моря седмиглавый звѣрь поднялся;
Какъ обольщенные имъ люди Бога
Отринули; какъ въ небесахъ явился
Сынъ Человѣческій съ серпомъ; какъ жатва
Великая свершилась; какъ на бѣломъ
Конѣ потомъ блестящій свѣтлымъ, бѣлымъ
Оружіемъ (себя жъ именовалъ
Онъ «Слово Божіе») явился Всадникъ;
Какъ вслѣдъ за Нимъ шло воинство на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый,
И какъ изъ устъ Его на казнь людей
Мечъ обоюдуострый исходилъ;
Какъ отъ того меча и звѣрь, и рать
Его погибли; какъ драконъ, цѣпями
Окованный, въ пылающую бездну
На тысячу былъ лѣтъ низвергнутъ; какъ
Потомъ на высотѣ великій бѣлый
Явился тронъ; какъ отъ лица на тронѣ
Сидящаго и небо и земля
Бѣжали, и нигдѣ не обрѣлось
Имъ мѣста; какъ на судъ предстало все
Созданіе; какъ мертвыхъ возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Какъ разогнулася передъ престоломъ
Господнимъ книга жизни; какъ послѣдній
Судъ по дѣламъ для всѣхъ былъ изреченъ,
И какъ въ огонь неугасимый были
Низвержены на вѣчность смерть и адъ...
И новыя тогда я небеса
И землю новую узрѣлъ, и градъ
Святой, отъ Бога нисходящій, новый

Ерусалимъ, какъ чистая невѣста
(21 февраля) Сіяющій, увидѣлъ. И раздался,
Услышалъ я, великій свыше голосъ:
«Здѣсь скинія Господня, здѣсь Господь
Жить съ человѣками отнынѣ будетъ;
Здѣсь храма нѣтъ Ему; — здѣсь Самъ Онъ храмъ Свой;
Здѣсь всякую слезу отретъ Онъ.
Ни смерти болѣе, ни слезъ, ни скорби
И никакихъ страданій и недуговъ
Не будетъ здѣсь, понеже миновалось
Все прежнее и совершилось дѣло
Господнее. Не нужны здѣсь ни солнце,
Ни свѣтлость дня, ни ночи темнота,
Ни звѣзды неба: здѣсь сіяетъ слава
Господняя, и Агнецъ служитъ здѣсь
Свѣтильникомъ, и Божіе лице
Спасенные очами видѣть будутъ».
И слышалъ я, какъ все небесъ пространство
Гласъ наполнялъ отвсюду говорящій:
«Я Богъ живой, Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ. Подходитъ время».

(23 февраля) Такіе образы въ ту ночь, когда
Я спящій плылъ къ брегамъ Святой земли,
Мой первый сонъ блаженный озаряли.
Не даромъ я о томъ здѣсь говорю,
Что изъ писаній ты безъ вѣры знаешь:
Хочу, чтобъ ты постигъ вполнѣ мой жребій.
Когда пророкъ святое откровенье
Мнѣ передалъ своимъ глаголомъ дивнымъ,
Во глубинѣ души моей оно
Осталось врѣзаннымъ; и съ той поры
Во тьмѣ моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно

Звѣздой грядущаго горитъ; я въ немъ
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведенъ изъ жизни
Рукой меня отвергшей смерти... Солнце
Всходило въ пламени лучей, когда
Меня покинулъ сонъ мой; передъ нами
На лонѣ голубаго моря темной
Тянулся полосою брегъ Святой
Земли; однѣ лишь горы — снѣговой
Хермонъ, Кармилъ прибрежный, кедроносный
Ливанъ и Элеонъ изъ низшихъ горъ —
Свои зажженныя лучами солнца
Вершины воздвигали. О, съ какимъ
Невыразимымъ чувствомъ я ступилъ
На брегъ земли обѣтованной, гдѣ
Ужъ не было Израиля! Прошло
Треть вѣка съ той поры, какъ я ее
Покинулъ. О, чтó былъ я въ страшный мигъ
Разлуки съ ней! и что потомъ со мной
Сбылося и какимъ я возвратился
Въ страну моихъ отцовъ! Я былъ подобенъ
(24 февраля) Колоднику, который на свободѣ
Въ ту заглянулъ тюрьму, гдѣ много лѣтъ
Лежалъ въ цѣпяхъ; гдѣ всѣ, кого на свѣтѣ
Зналъ и любилъ, съ нимъ вмѣстѣ запертые,
Въ его глазахъ погибли (всѣ); гдѣ каждый день
Его терзали пыткой палачи
И съ ними, самый яростный изъ всѣхъ
Палачъ — обремененное ужасной
Виной, бунтующее противъ жизни
И Бога — собственное сердце. Я
Не помню, чтó во мнѣ сильнѣе было —
Свободы-ль сладостное чувство, или
Ужасная о прошлой пыткѣ память.

Безлюдною страною окруженный,
Гдѣ царствовалъ опустошенья ужасъ,
Достигнулъ я Ерусалима. Онъ
Громадой черныхъ отъ пожара камней,
Какъ мертвый трупъ, изсѣченный въ куски,
Моимъ очамъ явился, вдвое страшный
Своею мрачностью въ сіяньи тихомъ
Безоблачнаго неба. И случилось
То въ самый праздникъ Пасхи; но его
Не праздновалъ никто: въ Ерусалимѣ
Не смѣлъ народъ на праздникъ свой великій
Сходиться. Къ бывшему пробравшись
Святилищу, узналъ я съ содроганьемъ
То мѣсто, гдѣ паденьемъ храма я,
Раздавленный, былъ смертію отвергнутъ.
Вдругъ, посреди безмолвія развалинъ,
Въ мой слухъ чуть слышно шепчущее пѣнье
Проникло: межъ обломковъ я увидѣлъ
Простертыхъ на землѣ немногихъ старцевъ,
И женщинъ, и дѣтей — остатокъ бѣдный
Израиля. Они рыдая пѣли:
«Господній храмъ, мы плачемъ о тебѣ!
Ерусалимъ, мы о тебѣ рыдаемъ!
Мы о тебѣ скорбимъ, Богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачемъ о тебѣ!»
При этомъ пѣньи я упалъ
На землю и въ молчаньи плакалъ горько,
(25 февраля) О прежней славѣ Божьяго народа
И о его постигшей казни помышляя.
Но мнѣ онъ былъ уже чужой; онъ чуждъ
И всей землѣ былъ; не могло
(26 февраля) Его ничто земное ни унизить.
Ни возвеличить: онъ, народъ избранный,

Народъ отверженный отъ Бога былъ.
На немъ лежитъ печать благословенья, онъ
Запечатлѣнъ проклятія печатью.
Въ упорной слѣпотѣ еще онъ ждетъ
Того, что ужъ свершилося и вновь
Не совершится; онъ въ своемъ безумствѣ
Не вѣруетъ тому, что существуетъ
Имъ столь желанное и имъ самимъ
Отвергнутое Благо, и его
Надежда ложь, его безъ смысла вѣра!
Отъ плачущихъ я тихо удалился,
И съ трепетомъ межъ камней пробираясь,
Не узнавалъ слѣдовъ Ерусалима.
Но вдругъ невольно я оцѣпенѣлъ:
Передъ собой увидѣлъ я остатокъ
Стѣны съ ступенями предъ уцѣлѣвшей
И настежъ отворенной дверью; въ ней
Сидѣлъ шакалъ; онъ, злобными глазами
Сверкнувши на меня какъ демонъ, скрылся
Въ развалинахъ. То былъ мой прежній домъ,
И я стоялъ предъ дверью роковой —
(27 февраля) Свидѣтелемъ погибели моей;
И мнѣ въ глаза то мѣсто — гдѣ тогда
Измученный остановился Онъ,
Чтобъ отдохнуть у двери, отъ которой
Безжалостной рукою оттолкнулъ
Я подошедшаго ко мнѣ съ любовью
Спасителя — пятномъ суровымъ страшно
Блеснуло. Я упалъ, лицемъ приникнувъ
Къ землѣ, къ которой нѣкогда нога
Святая прикоснулась; и слезами
Я обливалъ ее, и въ этотъ мигъ
Почудилося мнѣ, что Онъ, какимъ
Его тогда я видѣлъ, мимо въ прахѣ

Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій.... Я поднялся́,
И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной по улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ несъ свой крестъ
Онъ, бѣшенымъ ругаемый народомъ, —
Вслѣдъ за крестомъ я побѣжалъ, но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голгоѳы. Отдѣлясь отъ черной груды
Развалинъ, зеленью благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца,
Сходящаго на западъ, мнѣ она
Торжественно предстала, какъ зажженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго-долго
(28 февраля) Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи...
О, какъ она въ величіи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась;
Какъ было все кругомъ нея безмолвно;
Какъ миротворно солнце нисходило
Съ небесъ, на всю окрестность наводя
Вечерній тихій блескъ; какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ, въ виду
Благоухающей Голгоѳы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
Ногой къ ея святынѣ прикоснуться.
Когда жъ взошелъ на высоту ея,
О, какъ мое затрепетало сердце!
Моимъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ явился,
Полузаглаженный, на мѣстѣ, гдѣ
Три были нѣкогда водружены
Креста. И передъ нимъ простершись въ прахъ,
Я горькими слезами долго плакалъ.
Но въ этотъ мигъ раскаянья терзанье —

И благодарностью, невыразимой
Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головой моей, что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался,
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
Къ ногамъ отца, готоваго простить.
(2 марта) Дни праздника провелъ я одиноко,
На высотѣ Голгоѳы, въ покаяньи,
Одинъ, отвсюду разрушеньемъ страшнымъ
(4 марта) Земныхъ величій и всего, что было
Моимъ житейскимъ благомъ, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшися и перешедъ Кедронъ,
Достигнулъ я по скату Элеонской
Горы до Геѳсиманскихъ густотѣнныхъ
Оливъ. Тамъ, сокрушенный, долго я
Во прахѣ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя Онъ здѣсь —
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ, послѣднихъ
Съ страданіемъ лишенный силъ — въ смертельной
Тоскѣ здѣсь произнесъ, на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдальцамъ.
Его божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить; моимъ устамъ
Дать выразить ея святыню я
Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразитъ очарованье ночи,
Подъ сѣнью Геѳсиманскихъ маслинъ мною
Въ молчаніи всемірномъ проведенной!
(6 марта) Когда взошелъ на верхъ я Элеонской
Горы, съ которой, все свершивъ земное,
Сынъ Человѣческій на небеса
Вознесся — предо мной явилось солнце

Въ неизреченномъ блескѣ на востокѣ;
Зажглась горы вершина; тонкій паръ
Еще надъ сѣнью маслинъ Геѳсиманскихъ
Лежалъ; но вдалекѣ уже горѣла
Въ сіяньи утреннемъ Голгоѳа. Чернымъ
Остóвомъ посреди ихъ, весь еще
Покрытый тѣнію отъ Элеонской
Горы, лежалъ Ерусалимъ, какъ будто
Сіянья воскресительнаго ждущій.
Въ послѣдній разъ съ святой горы взглянулъ я
На градъ Израилевъ, на сокрушенный
Ерусалимъ: еще въ его обломкахъ
Я видѣлъ трупъ съ знакомыми чертами;
Но скоро онъ и въ признакахъ своихъ
Былъ долженъ умереть; была готова
Рука, чтобъ разбросать его обломки;
Былъ плугъ готовъ, чтобъ запахать то мѣсто,
Гдѣ нѣкогда стоялъ Ерусалимъ.
(6 марта) На гробѣ прежняго другой былъ долженъ
(описка: 6-е уже было). Воздвигнуться, несокрушимо-твердый
Одной Голгоѳою, и вовсе чуждый
Израилю бездомному, какъ я,
На горькое скитанье по землѣ
Приговоренному до нисхожденья
Отъ неба новаго Ерусалима.

Благословивъ на вѣчную разлуку
Господній градъ, я отъ него пошелъ, —
И съ той поры я странствую. Но слушай:
(8 марта) Мой жребій все остался тотъ же, страшный,
Какимъ онъ въ первое мгновенье палъ
На голову преступную мою.
Какъ прежде, я не умирать и вѣчно
Скитаться здѣсь приговоренъ; всѣмъ людямъ

Чужой, вселяющій въ сердца ихъ ужасъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье;
Нужды житейскія терпящій: голодъ, жажду,
И зной, и непогоду; подаяньемъ
Питаться принужденный, принимая
Съ стыдомъ и скорбію, что́ первый встрѣчный
Съ пренебреженьемъ мнѣ обиднымъ броситъ.
Мнѣ самому нѣтъ смерти, для людей же
Я мертвый; мнѣ ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ни откуда мнѣ опасность
Не угрожаетъ на землѣ: разбойникъ
Меня зарѣзать не посмѣетъ; звѣрь,
И голодомъ яримый, повстрѣчавшись
Со мною, въ страхѣ убѣжитъ; не схватитъ
Меня земля разинутой своею
Въ землетрясенье пастью; не задушитъ
Меня гора своимъ обваломъ; море
Въ своихъ волнахъ не дастъ мнѣ захлебнуться.
Всѣ, всѣ мои безумныя попытки
Жизнь уничтожить были безуспѣшны:
Самоубійство недоступно мнѣ;
Не смерть, а неубійственную съ смертью
Борьбу напрасно мучимому тѣлу
Могу я дать безплодными своими
Порывами на самоистребленье;
А душу изъ темницы тѣла я
Не властенъ вырвать: вновь оно,
Въ куски изорванное, воскресаетъ.
Такъ я скитаюся. И нѣтъ, ты скажешь,
Страшнѣй моей судьбы. Но вѣдай: если
Моя судьба не измѣнилась, самъ я
Уже не тотъ, какимъ былъ въ то́ мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,

Когда, своей вины не признавая,
Свирѣпо самъ я проклиналъ Того,
Кто приговоръ противъ меня изрекъ.
Я проклиналъ, я бѣшено бороться
Съ неодолимой Силою дерзалъ.
О, я теперь иной!... Тотъ, за меня
Поднятый къ небу, мученика взглядъ
И благодать, словами Богослова
Въ меня вліянная, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души въ смиреніе, и на Голгоѳѣ
Постигнулъ я все благо казни, Имъ
Произнесенной надо мной, какъ мнилось
Безумцу мнѣ, въ непримиримомъ гнѣвѣ.
О, Онъ въ тотъ мигъ, когда я Имъ ругался,
Меня казнилъ какъ Богъ: меня спасалъ
Погибелью моей, и мнѣ изрекъ
Чрезъ строгій приговоръ благословенье.
Какимъ путемъ Его рука меня,
Бѣжавшаго въ то время отъ Голгоѳы,
Гдѣ крестъ еще Его дымился кровью,
Обратно привела къ ея подошвѣ!
Какое далъ мнѣ воспитанье Онъ
Въ училищѣ страданій несказанныхъ,
И ка́къ цѣна, которою купилъ я
Сокровище, Имъ избранное мнѣ,
Предъ купленнымъ неоцѣнимымъ благомъ
(9 марта) Ничтожна! Такъ перерожденный, новый,
Пошелъ я отъ Голгоѳы, произвольно,
Съ благодареніемъ взявъ на плеча́
Весь грузъ моей судьбы и сокрушенно
Моей вины всю глубину измѣривъ.
О, благодать смиренія! о, сладость
Цѣлительной раскаянья печали

У ногъ Спасителя! Какою новой
Наполнился я жизнію; какой
Во мнѣ и вкругъ меня иной открылся
Великій міръ, когда, себя низвергнувъ
Смиреньемъ въ прахъ и уничтоживъ
Всѣ обаянія, всѣ упованья
Земныя, я бунтующую волю
Свою убилъ предъ алтаремъ Господнимъ,
Когда одинъ съ раскаянной виною
Передъ моимъ Спасителемъ остался!
(10 марта) Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя!
Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконецъ,
Когда я, всю мою вину постигнувъ,
Раскаяньемъ терзаемый, былъ брошенъ
Къ ногамъ обруганнаго мною Бога,
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все измѣнилось: Тотъ — Кого безумно
Я отрицалъ, — моимъ въ пустынѣ жизни
Сопутникомъ, подпорой, другомъ, все
Земное замѣнившимъ, все земное
Забвенію предавшимъ, сталъ.
За Нимъ, какъ за отцомъ дитя, пошелъ я,
Исполненный глубокимъ сокрушеньемъ,
Которое, мою пронзая душу,
Къ Нему ея глубокую любовь
Питало, какъ елей питаетъ пламя
Въ лампадѣ храма. И мою въ Него
Я вѣру всею силою любилъ,
Какъ утопающій ту доску любитъ,
Которая въ волнахъ его спасаетъ.

Но этотъ миръ достался мнѣ не вдругъ.
Мертвецъ между живыми, навсегда
Къ позорному прикованный столбу
Передъ толпой ругательной колодникъ,
Я часто былъ тоской одолѣваемъ:
Тогда роптанье съ устъ моихъ срывалось.
Но каждый разъ, когда такой порывъ
Души, обиженной презрѣньемъ горькимъ
Людей, любимыхъ ею безотвѣтно,
Меня крушилъ, мнѣ явственнѣй являлось
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее, и съ обновленной
Покорностью сильнѣй я прижимался
Къ окровавлённому кресту Голгоѳы.
(11 марта) И наконецъ, по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій,
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ
Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ крѣпкій
Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ,
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.
(13 марта) Съ тѣхъ поръ во мнѣ смирилось все: чего
Желать? О чемъ жалѣть? Чего страшиться?
Начто тревожить жаждущее сердце
Надеждами? Зачѣмъ скорбѣть, встрѣчая
Презрѣніе иль злобу отъ людей?
Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ всё, Имъ всё,
Всё отъ Него, все одному Ему —
Такое для меня знаменованье
Теперь пріяла жизнь. Я казнь мою
Всѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей

Души хранитель. И съ людьми, меня
Отвергшими, я примирился, въ сердцѣ
Божественное поминая слово:
«Отецъ! прости имъ: что̀ творятъ, не знаютъ!»
Межъ ними ближняго я не имѣю,
Но сердце къ нимъ исполнено любовью.
И знай: пространства нѣтъ здѣсь для меня
(Такъ соизволилъ Богъ!): въ одно мгновенье
Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлетъ на помощь,
На помощь — но не дѣломъ, словомъ — что̀
Могу я сдѣлать для людей? но словомъ
Утѣхи, состраданія, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мнѣ на любовь всегда одинъ
Отвѣтъ: ругательство или презрѣнье;
Но для меня въ отвѣтѣ нужды нѣтъ...
Мнѣ мѣста нѣтъ ни въ чьемъ семействѣ; я
Не радуюся ничьему рожденью,
И никого родного у меня
Не похищаетъ смерть. Всѣ поколѣнья,
Одно вслѣдъ за другимъ, уходятъ въ землю:
Я ни съ однимъ изъ нихъ не разлучаюсь,
И ихъ отбытіе мнѣ незамѣтно.
Любовью къ людямъ безнаградной — я
Любовь къ Спасителю, любовь къ Царю
Любви, къ ея Источнику, къ ея
Подателю питаю....
Моя любовь къ нимъ есть любовь къ Тому,
(15 марта) Кто первый возлюбилъ меня; любовь,
Которая не ищетъ своего,
Не превозносится, не мыслитъ зла,
Не знаетъ зависти, не веселится
Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ;

Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
Всему, смиряется и долго терпитъ.
Такой любовію я близокъ къ людямъ,
Хотя и розно съ ними несказанной
Моею участью; въ веселья ихъ
Семействъ, въ народные пиры ихъ
Я не мѣшаюся; но есть одно,
Что къ нимъ меня заводитъ: это смерть,
Давно утраченное мною благо.
Безъ ропота на горькую утрату,
Я въ кругъ людей вхожу, чтобъ смертью
Въ ея земныхъ явленьяхъ насладиться.
Когда я вижу старика въ послѣдней
Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
Сначала дышущаго тяжко,
Вдругъ блѣднаго и миротворнымъ сномъ
Заснувшаго, и вкругъ его постели
Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
Ему рука родная закрываетъ;
Когда я вижу блѣднаго младенца,
Возвышеннаго въ ангелы небесъ
Прикосновеніемъ безмолвной смерти;
Когда разцвѣтшую невѣсту-дочь,
Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
Случайностей хранительною смертью,
Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
Въ тюремномъ мракѣ сладко засыпаетъ
Послѣднимъ сномъ измученный колодникъ;
Когда на полѣ боя, переставъ
Терзаться въ судорогахъ смертныхъ, трупы
Окостенѣлые лежатъ спокойно:
Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
Тоску глубокую; она меня —
Какъ устарѣлаго скитальца память

О сторонѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ
Провелъ младые дни, гдѣ былъ богатъ
Надеждами — томитъ. Я слезы лью
Изъ глазъ и я завидую счастливцамъ,
Сокровище неоцѣнимой смерти,
Его не зная, сохранившимъ... Есть
Еще одно великое мгновенье,
Когда я въ кругъ людей, какъ ихъ родной,
Какъ соискýпленный ихъ братъ, вступаю:
Съ смиреніемъ презрѣнье ихъ пріемля,
Какъ очистительное наказанье
Моей вины, я къ тайнѣ причащенья,
Со страхомъ Божіимъ и вѣрой, сердцемъ
Единымъ съ ними приступаю. Въ часъ,
Когда небесныя незримо силы
Предъ Божіимъ престоломъ въ храмѣ служатъ,
И херувимовъ братство христіанъ
Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
И всякое земное попеченье
Забывъ, дориносимаго чинами
Небесными Царя царей подъемлетъ;
Въ великій часъ, когда, на всѣхъ концахъ
Созданія, въ одну сливаетъ душу
Всѣхъ христіанъ таинственная жертва;
Когда живые всѣ — и царь, и нищій,
И счáстливый, и скорбный, и свободный,
И узникъ, и всѣ мертвые въ могилахъ,
И въ небесахъ святые, и предъ Богомъ
Всѣ ангелы и херувимы, въ братство
Единое совокупляясь, чашѣ
Спасенья предстоятъ: — о, въ этотъ часъ
Я людямъ братъ; моя судьба забыта;
Ни прошлаго, ни будущаго нѣтъ;
Все предо мной земное исчезаетъ;

Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье въ Божьемъ
Присутствіи неизреченномъ....
О, чтó-бъ я былъ безъ этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобнымъ
И нераскаяннымъ Богоубійцей
Сошелъ бы въ землю.... А потомъ?.... Теперь же....
О, будьте вы навѣкъ благословенны
Уста, изрекшія мой приговоръ!
О Ты, Лице, подъ тернами вѣнца
Облитое струями крови, Ты,
Печальный, на меня поднятый взоръ,
Ты, голосъ, сладостный и въ изреченьи
Преступнику суда, — васъ навсегда
Раскаянье хранитъ въ моей душѣ;
Оно васъ въ ней, своею мукой, въ вѣру,
Надежду и любовь преобратило.
(16 марта) Разрушивъ все, чѣмъ драгоцѣнна жизнь,
И осудивъ меня не умирать,
Онъ далъ замѣну мнѣ Себя. За Нимъ
Иду я черезъ міръ уединеннымъ
Путемъ, чужой всему, что вкругъ меня
Кипитъ, тревожитъ, радуетъ, волнуетъ,
Томитъ сомнѣніемъ, терзаетъ жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти.
Чтó нужно мнѣ? На голодъ корка хлѣба,
Ночлегъ на непогоду, ветхій платъ
На покровенье наготы, — во всемъ
Иномъ я независимъ отъ людей
И міра. На потребу мнѣ одно
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
«*Твоя, а не моя да будетъ воля!*» Въ немъ

Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
(18 марта) Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
Имъ все намъ ясно; случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, Кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строитъ, намъ во благо. Міръ,
Въ которомъ я живу, который вамъ,
Слѣпымъ невольникамъ земнаго, долженъ
Казаться дикою пустыней... нѣтъ,
Онъ не пустыня: съ той поры, какъ я
Былъ Силою Всевышнею постигнутъ,
И, уничто́женный, предъ Нею палъ
Во прахъ, Она передо мною вся
Въ твореніи Господнемъ отразилась.
Міръ человѣческій исчезъ, какъ призракъ,
Передъ Господнею природой; въ ней
Все выше сдѣлалось размѣромъ, все
Пріяло высшее знаменованье.
О, этотъ міръ презрительнымъ житейскимъ
Заботамъ недоступенъ; онъ безвѣрью
Ужасенъ. Но тому, кто сердцемъ весь
Раскаянья сосудъ испилъ до дна,
И Бога угадавъ страданьемъ, въ руки
Къ Нему изъ сокрушительныхъ когтей
Отчаянія убѣжалъ — тому
Природа врачъ, великая бесѣда,
Господняя развернутая книга,
Гдѣ буква каждая благовѣститъ
Его Евангеліе. Нѣтъ, о, нѣтъ,
Для выраженья той природы чудной,

Которой я, истерзанный, на грудь
Упалъ, которая лѣкарство мнѣ
Всегда цѣлящее даетъ, я словъ
Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ; свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба;
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ;
Глубокое молчанье лѣса; мóря
Необозримость тихая, иль голосъ
Невыразимый въ бурю; горъ — потопа
Свидѣтелей — громады; безпредѣльныхъ
Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣнья,
Блистанья, ревъ и грохотъ водопадовъ....
О, кáкъ могу изобразить творенья
Все обаяніе. Среди Господней
Природы, я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія, въ неизреченномъ
Его присутствіи, и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
(30 марта) Молитвой — но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,
А мирнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, Его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ Нимъ уничтоженья: —
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ Нему, горящая, стремится —
Такою предъ Его природой чудной
Становится моя молитва. Съ нею
Сливается нерѣдко вдохновенье

Поэзіи; — поэзія — земная
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова!
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою, — и мнѣ
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ, посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ,
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ
И все движенье жизни скоротечной.

Такъ странствую я по землѣ, въ глазахъ
Людей проклятый Богомъ, никакому
Земному благу непричастный, злобный,
Все ненавидящій скиталецъ. Тайны
Моей они не постигаютъ; путь мой
Ихъ взорамъ не открытъ: по высотамъ
Созданія идетъ онъ, тамъ, гдѣ я
Лишь небеса Господнія святыя
Надъ головою вижу; а внизу,
Далеко подъ ногами, весь смятенный
Міръ человѣческій. И съ высоты
Моей, съ нимъ не дѣлясь его судьбой,
Я, всю ее однимъ объемля взоромъ,
Въ ея волненіяхъ и измѣненьяхъ,
Какъ въ неизмѣнной стройности природы,
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога.
Изъ глубины уединенья, гдѣ
Онъ мой единый Собесѣдникъ, мнѣ

Его пути среди разнообразныхъ
Судебъ земныхъ виднѣй. И ужь второе
(31 марта) Тысячелѣтіе къ концу подходитъ
Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я одинокой
Дорогою иду; и въ этотъ путь
Пошелъ я съ той границы, на которой
Міръ древній кончился, гдѣ на его
Могилѣ колыбель свою поставилъ
Новорожденный міръ. За сей границей,
Какъ великанскія, сквозь тонкій сумракъ
Разсвѣта, смутно зримыя громады
Снѣжноголовыхъ горъ, стоятъ минувшихъ
Вѣковъ видѣнія: остóвы древнихъ
Имперій (какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
Горъ первобытныхъ), слитые въ одно
Великое минувшаго созданье....

АПОКАЛИПСИСЪ [1]).

(Начато 7 сент. 1851 г.)

Я повторю тебѣ его слова,
Въ чудесномъ снѣ услышанныя мною.
Такъ говорилъ онъ на яву мнѣ, тоже
Потомъ и сонному мнѣ повторилось.

«Мнѣ голосъ былъ: «Я Альфа и Омега;
(I, 10, 13–18) Я сущій, будущій, и бывшій; Я
Живый, умершій и воскресшій; Я
Въ моей рукѣ держу ключъ ада
И смерти». — И увидѣлъ я, что Нѣкто,
Въ одеждѣ длинной, съ поясомъ златымъ, —
Какъ пламень солнечный лицо, семь звѣздъ

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ встрѣчаемъ въ рукописи Жуковскаго большой разсказъ, составляющій собою переложеніе «Апокалипсиса». По первоначальному плану Жуковскаго, разсказъ этотъ долженъ былъ входить въ его поэму «Странствующій Жидъ»; въ рукописи поэмы онъ слѣдуетъ послѣ стиха «*Моей душѣ сіяютъ*» (см. здѣсь стр. 37-ю, стихъ 912-й). Поэтъ писалъ его ровно пять мѣсяцевъ и уже близокъ былъ къ концу Апокалипсиса; но потомъ художественное чувство подсказало ему, что разсказъ такого объема слишкомъ растягиваетъ поэму, — и онъ его зачеркнулъ, замѣнивъ другимъ, сжатымъ пересказомъ. По несомнѣнной важности этого переложенія Апокалипсиса, мы печатаемъ его теперь отдѣльно; потомъ онъ можетъ составить собою приложеніе къ поэмѣ. Для большей связи разсказа, возстановляемъ первые 4 стиха, зачеркнутые поэтомъ,—ихъ говоритъ Агасверъ Наполеону; за тѣмъ уже слѣдуетъ Апокалипсисъ.

Слѣва, въ скобкахъ, обозначаемъ рукописныя даты, въ которыя поэтъ писалъ свое произведеніе, ведемъ счетъ стиховъ его и ставимъ указанія главъ и стиховъ Апокалипсиса, которымъ соотвѣтствуетъ переложеніе Жуковскаго.

Въ десницѣ и двуострый мечъ изъ устъ, —
(IV, 4–11) Сидѣлъ на тронѣ. И четыре тронъ
Животныхъ на хребтѣ держали,
Имѣя образъ льва, тельца, орла
И человѣка; и шесть крыльевъ было
У каждаго животнаго великихъ;
И были всѣ усыпаны очами;
И нѣтъ ни днемъ, ни ночью имъ покоя.
И горній тронъ тотъ окружали двадцать
Четыре старца, на престолахъ, въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ золотыми на главахъ
Коронами, сидѣвшіе. И громко
Животные тронодержавцы пѣли:
«Святъ! святъ! святъ!» И когда ихъ пѣнье
Возобновлялось, всѣ предъ трономъ двадцать
Четыре старца падали на землю,
Къ ногамъ Сидящаго кладя свои
(V, 1–14) Короны. Тутъ видѣнье измѣнилось:
Въ рукѣ Сидящаго узрѣлъ я книгу;
Извнѣ и извнутри она была
Исписана, и было семь на ней
Печатей. И былъ голосъ: «Кто достоинъ
Печати съ книги снять?»... И плакалъ я,
Что не было достойнаго. Тогда
Предъ Тѣмъ, Кто возсѣдалъ на горнемъ тронѣ,
Среди животныхъ и вѣнчанныхъ старцевъ,
Сталъ седмирогій, седмиокій Агнецъ,
Какъ-бы закланный; Онъ взялъ книгу; тутъ
На землю передъ Нимъ всѣ пали двадцать
Четыре старца; арфы были въ ихъ
Рукахъ и золотыя чаши, съ нихъ-же
Святыхъ молитвы, дымомъ фиміама
Благоухая, къ трону подымались.
И новую воспѣли пѣснь тутъ старцы;

И ангелы тогда окрестъ животныхъ
И старцевъ, тысячами тысячъ, пѣнье
Ихъ повторили: съ ними жъ пѣло все созданье,
Все — что на небесахъ, что на землѣ,
Что подъ землей, что на моряхъ, что въ безднѣ
Морей — къ Сидящему на горнемъ тронѣ
Воспѣло, въ гласъ одинъ сліясь: «Тебѣ
Благословенье, слава и держава
Во вѣки!» И «аминь!» провозгласили
Животныя; на землю пали старцы.
(VI, 1–17) И къ запечатанной приближась книгѣ,
Снялъ Агнецъ первую печать: и бѣлый
Явился конь; его сѣдокъ держалъ
Великій лукъ, и былъ ему вѣнецъ
Данъ на побѣду. Агнецъ снялъ другую
Печать: предсталъ конь огненнаго цвѣта,
И былъ на немъ сѣдокъ съ мечемъ убійства.
Когда печать снялъ третью съ книги Агнецъ:
Явился черный конь, и мѣру всадникъ
Его имѣлъ въ рукѣ. Когда же Агнцемъ
Снята была четвертая печать:
Конь блѣдный выбѣжалъ, и былъ ужасный
На немъ сѣдокъ, и тотъ сѣдокъ былъ — смерть!
И адъ за нимъ стремился.... Власть имѣлъ онъ
Губить мечемъ, и голодомъ, и моромъ,
И дикимъ звѣремъ. Пятую печать
Снялъ Агнецъ: души убіенныхъ громко
О мщеньи возопили. Ихъ одѣли
Въ одежды бѣлыя, дабы они
Съ терпѣніемъ того, что будетъ, ждали.
Когда жъ печать шестую Агнецъ снялъ:
Настало страшное землетрясенье;
Какъ власяница солнце потемнѣло;
И сдѣлалась луна какъ кровь; и звѣзды,

Какъ плодъ смоковницы великимъ вѣтромъ
Шатаемой, попадали на землю;
И небо, вдругъ свернувшися какъ свитокъ,
Исчезло; съ мѣстъ своихъ на сушѣ го́ры
И въ морѣ острова подвиглись; всѣ
Цари земные, ихъ вожди, вельможи,
И сильные, и всякій рабъ, и всякій
Свободный — скрылися въ ущелья горъ
И въ глубины пещеръ, и говорили
Горамъ: «падите на главы намъ, скройте
Насъ отъ Сидящаго на тронѣ, скройте
Отъ Агнца насъ! День гнѣва неизбѣжный
Его насталъ. И въ этотъ день предъ Нимъ
(VII, 1–3, 9–12) Кто устоитъ?»... Тутъ четырехъ
Узрѣлъ я ангеловъ: на четырехъ
Углахъ земли стоя, они держали
Въ рукахъ четыре вѣтра, чтобъ не вѣялъ
Ни на́ морѣ, ни на землѣ, ни между
Земныхъ деревьевъ вѣтеръ. Тутъ увидѣлъ
Я ангела, съ востока солнца въ блескѣ
Идущаго, и онъ держалъ въ рукѣ
Печать живаго Бога. И тогда
Свершилося двѣнадцати колѣнъ
Избраніе, и на избранныхъ ангелъ
Печать живаго Бога наложилъ.
И вдругъ — и тронъ и Агнца окружили
Неисчисли́мо люди всѣхъ народовъ
И поколѣній, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Съ вѣтвя́ми пальмъ въ рукахъ, и возгласили
Они хвалу Сидящему на тронѣ
И Агнцу. Тутъ всѣ четверо животныхъ,
Всѣ старцы и всѣхъ ангеловъ, кругомъ
Стоявшихъ, легіоны пали ницъ,
Воскликнувъ: «Честь, благодаренье, слава,

Премудрость, власть, и сила, и держава,
И поклоненье Господу во вѣки
(VIII, 1–13) Вѣковъ!» И Агнецъ снялъ печать седьмую:
Глубокое безмолвье воцарилось
На небесахъ какъ бы на полчаса.
Семь ангеловъ приблизилися къ трону —
И было имъ дано семь трубъ. Потомъ
Осьмой съ кадильницею ангелъ
Предъ жертвенникомъ сталъ и съ ѳиміамомъ
На жертвенникъ молитвы возложилъ
Святыхъ, — и отъ руки его вознесся
Моленій дымъ благоуханно чистый.
Потомъ онъ, жертвеннымъ огнемъ наполнивъ
Кадильницу, повергъ ее на землю:
И сдѣлались повсюду гласы, молній
Блистанье, громы, шумъ землетрясенья.
И вострубить семь ангеловъ готовясь
Приставили семь трубъ къ своимъ устамъ.
И съ первою трубой — огонь и градъ
На землю пали съ кровью, и сгорѣла
Деревьевъ третья часть, и вся трава
Зеленая сгорѣла. Со второй
Трубой — гора пылающая въ море
Низверглася, и моря третья часть
Преобратилась въ кровь, и третья часть
Живущихъ въ морѣ умерла, и третья
Часть нá морѣ судовъ погибла. Съ третьей
Трубой — звѣзда, горящая какъ свѣточь,
На третью часть истоковъ водныхъ, рѣкъ
И всѣхъ земныхъ потоковъ пала съ неба,
И воды стали горьки какъ полынь,
И люди всѣ, йхъ пившіе, погибли.
Съ четвертою трубой — затмилась третья
Часть солнца и луны и звѣздъ, и третья

Часть дня была безъ свѣта, третья
Часть ночи безъ сіянья звѣздъ, и было
Въ томъ мракѣ слышно, какъ летѣлъ, шумя
Крылами, ангелъ, вопіющій: «Горе
Живущимъ на землѣ, когда отъ трехъ
(IX, 1–21) Послѣднихъ трубъ изыдетъ голосъ!» Съ пятой
Трубою — новая звѣзда упала
Съ небесъ, и былъ ей данъ отъ бездны ключъ,
И отворилась бездна, и пошелъ
Изъ бездны дымъ, какъ изъ великой печи:
И помрачилося отъ дыма солнце
И все воздушное пространство;
Изъ дыма тучей саранча исторглась
И кинулась — не на луга густые
И не на зелень нивъ, но на людей,
Не получившихъ знаменья печати
Живаго Бога, чтобъ, не убивая,
Лишь уязвлять ихъ жаломъ скорпіоннымъ;
И шумъ отъ крылъ ея подобенъ
Былъ стуку колесницъ, когда бѣгутъ
Въ сраженье кони; и царемъ ея
Былъ ангелъ бездны, имя онъ имѣлъ
Тамъ Аваддона. И съ шестой трубой —
Раздался гласъ, трубившему сказавшій:
«Дай волю четыремъ вблизи великой
Рѣки Евфрата ангеламъ, носящимъ узы».
И ангеламъ дана была свобода
На погубленіе людей. И было
Ихъ воинство несмѣтно; были латы
На всадникахъ изъ пламени; ихъ кони
Тройною язвою дышали; ихъ
Дыханье третью часть людей живущихъ
Внезапно умертвило; остальные жъ
Безъ покаянія во тьму безвѣрья

И злодѣянья глубже погрузились.
(X, 1–7) Тутъ семь громовъ своими голосами
Проговорили.... Ангелъ (я увидѣлъ),
Стоящій на морѣ одной ногой
И на землѣ другою, по́днялъ къ небу
Десницу, и клялся́ Живымъ во вѣки
Вѣковъ, создавшимъ небеса и все
Что въ небесахъ, создавшимъ землю
И все что на землѣ, создавшимъ море
И все что въ морѣ есть — клялся́, что время
Ужь миновалось; но что въ оный день,
Когда седьмой вострубитъ ангелъ, тайна
Господняя свершится, какъ пророкамъ
Ее Господь открылъ. И вострубила
(XI, 15–19) Труба седьмая: и раздался голосъ
Отвсюду: «Царство міра стало царствомъ
Живаго Бога и Его Христа,
И царствовать во вѣки будетъ Онъ!»
И снова ницъ на землю пали двадцать
Четыре старца предъ Всевышнимъ Богомъ
И возгласили всѣ: «Благодаримъ
Тебя, Который былъ, и есть, и будешь,
Тебя, Господь, за то, что власть свою Ты
Великую пріялъ, и воцарился!
День гнѣва Твоего насталъ, день страшный
Суда и погубленія губившихъ». —
И растворился Божій храмъ на небѣ,
И въ храмѣ Божіемъ ковчегъ явился
Его завѣта, и послышалися гласы
Отвсюду, молніи зажглися, громы
Заговорили, градъ упалъ великій,
Землетрясеньемъ все поколебалось.
(XII 1–17) И на небѣ великое тогда
Явилось знаменье: жена, чудесно

Одѣянная въ солнце, подъ ногами
Луна, на головѣ двѣнадцать звѣздъ
Вѣнцомъ.... За онымъ знаменьемъ другое
Явилось страшное: великій, чермный,
Седмиголовый съ десятью рогами
Драконъ, на головахъ седмь діадимъ;
И третью часть онъ звѣздъ своимъ хвостомъ
Низвергнулъ съ неба. Ставъ передъ женою,
Страдавшей мукою родовъ, разинулъ
Онъ пасть, чтобы пожрать ея младенца,
Какъ скоро онъ родится. Но младенецъ,
Пасти жезломъ желѣзнымъ обреченный
Народы, былъ на небо унесенъ;
Жена жъ, ушедъ въ пустыню, скрылась въ тихомъ
Ей уготовленномъ отъ Бога мѣстѣ.
Тутъ началась на небесахъ война:
Архангелъ Михаилъ съ своею ратью
Пошелъ на чермнаго дракона; чермный
Драконъ пошелъ съ своею ратью противъ
Архангела, но былъ сраженъ,
И не нашлось ему на небѣ мѣста!
Сраженъ былъ древній змій, его же имя
Діаволъ-сатана, всего созданья
И человѣковъ обольститель; съ нимъ
Низвержены и ангелы его.
И на́ небѣ раздался громкій гласъ:
«Спасенья время совершилось! Царство
Настало Бога и Христа, понеже палъ
Онъ, клеветникъ, на насъ и братій нашихъ
И ночь и день предъ Богомъ клеветавшій!
Онъ побѣжденъ святою кровью Агнца,
И словомъ ихъ свидѣтельства, и тѣмъ,
Что вѣруя они не возлюбили
Своей души до самой смерти.

Возвеселитесь, небеса, и всѣ
Живущіе на небесахъ; а вамъ,
Живущимъ на землѣ и на водахъ,
Вамъ горе: сатана сошелъ къ вамъ, полный
Великой ярости, понеже знаетъ,
Что времени ему осталось мало!»
Разсвирѣпѣвъ, драконъ пошелъ войною
На всѣхъ рожденныхъ отъ жены, покорныхъ
Заповѣдя́мъ Господнимъ, и Христовымъ
(30 сент.) (XIII 1—16) Свидѣтельствомъ запечатлѣнныхъ. Тутъ
Свершилось новое видѣнье: вышелъ
Десятирогій седмиглавый звѣрь
Изъ моря; были на рогахъ короны
И богохульныя на головахъ
Стояли имена. И далъ ему
Драконъ свой тронъ, и власть свою, и силу:
И вся земля послѣдовала звѣрю
И поклонилася дракону. Звѣрь
Отверзъ свои уста на богохульство,
И всѣ живущіе, которыхъ имя,
Съ созданья міра, въ книгу жизни Агнцемъ
Не внесено, поверглись ницъ предъ нимъ.
(1 октября) Тогда другой явился, изъ земли
Изшедшій, звѣрь: подобно агнцу, онъ
Имѣлъ два рога; говорилъ, какъ чермный
Драконъ, и дѣйствовалъ передъ дракономъ
Со всею властію, какъ первый звѣрь,
Которому онъ поклоняться всѣхъ
Живущихъ и всю землю заставлялъ,
Творя предъ ними знаменья: сводя
Огонь съ небесъ и чудесами разумъ
Внимающихъ ему вводя въ обманъ,
Ликъ звѣря, исцѣлѣвшаго отъ раны
(2 октября) Смертельной, сдѣлать убѣждая. Было

Ему дано вложить въ ликъ звѣря духъ,
Чтобъ онъ и говорилъ, и возбуждалъ
Убійство противъ тѣхъ, кто поклоняться
Не будетъ лику звѣря, и онъ всѣмъ —
И малымъ, и великимъ, и богатымъ,
И нищимъ, и свободнымъ, и рабамъ —
На ихъ челѣ или рукѣ ликъ звѣря
Изобразитъ, иль имени его число
(XIV, 1–19) Напишетъ. — Новое видѣніе предстало:
Явился на горѣ Сіонѣ Агнецъ,
И были собраны къ Нему сто сорокъ
Четыре тысячи запечатлѣнныхъ
Печатію Его Отца.
И голосъ въ небѣ слышенъ былъ, подобный
Потоковъ многихъ шуму и громовъ
Великихъ голосу, и струны арфъ,
Сопровождавшихъ пѣніе, звучали:
То было пѣніе предъ горнимъ трономъ,
Предъ четырьмя животными его
И передъ старцами, — и пѣнье то
Одни, печать живаго Бога на челѣ
Носящіе, могли изъ всѣхъ людей на свѣтѣ
Живущихъ повторить. Потомъ явился
По небесамъ летящій Ангелъ; онъ
Имѣлъ въ рукѣ Евангеліе, — благо
Спасенья всѣмъ благовѣстить народамъ.
За нимъ летѣлъ другой по небу ангелъ,
Гласящій: «Палъ великій Вавилонъ,
Понеже яростнымъ виномъ разврата
Народы всѣ онъ напоилъ». — И третій
Явился ангелъ, и гласилъ онъ; «Горе
Всѣмъ поклоняющимся звѣрю, всѣмъ,
Кто начертанье имени его
Иль óбраза пріемлетъ на чело

Иль нá руку свою! Тотъ будетъ пить
Господней ярости вино, въ Его
Сосудѣ гнѣва; тотъ низверженъ будетъ
Въ огонь и въ пламенную сѣру, будетъ
Передъ очами ангеловъ святыхъ
И передъ Агнцемъ мучимъ, и во вѣки
Ему отъ мукъ не будетъ утоленья!»
И гласъ тогда проговорилъ съ небесъ:
«Блаженны мертвые, блаженны всѣ,
Кто въ Господѣ отнынѣ умираютъ:
(3 октября) Они найдутъ отъ всѣхъ своихъ трудовъ
Успокоеніе, и ихъ дѣла
Пойдутъ за ними вслѣдъ». — И въ небесахъ
Явилось облако; на немъ въ сіяньи
Сынъ Человѣческій сидящій зрѣлся;
На головѣ златой вѣнецъ, въ рукѣ
Серпъ острый. И сказалъ Ему изшедшій
Изъ храма ангелъ: «Изготовь твой серпъ —
И жни: настало время жатвы, хлѣбъ
Созрѣлъ на нивѣ». И послалъ свой серпъ
На землю Тотъ, Кто въ небесахъ былъ видимъ
На облакѣ, — и вся земля была
Пожата. Тутъ семь ангеловъ, имѣвшихъ
(XV, 1—8) Семь язвъ послѣднихъ — ими-жъ прекратится
Господній гнѣвъ — явились въ небесахъ,
И всѣ, отвергнувшіе звѣря, ликомъ
Его и имени его числомъ
Необольщенные, стояли въ морѣ
Кристально-пламенномъ, имѣя арфы
Господнія въ своихъ рукахъ, и пѣли
Пѣснь Моисееву и Агнца пѣснь
Святую: «Чудны всѣ дѣла Твои,
Господь, и праведны Твои пути,
Царь праведныхъ! Всѣ пріидутъ поклониться

Тебѣ языки, ибо оправданья
Свои явилъ Ты». — И потомъ на небѣ
Храмъ скиніи свидѣтельства отверзся,
И ангелы, носящіе семь язвъ,
Изъ храма вышли; были имъ даны
Семь яростію Бога полныхъ чашъ.
И дымомъ храмъ наполнился отъ силы
Господней и отъ славы; и никто
Не могъ войти во храмъ, пока семи
Всѣхъ язвъ семь ангеловъ не совершили.
(4 отв.) (XVI, 1—21) И къ ангеламъ изшелъ изъ храма гласъ
Господній, говорящій имъ: «Идите
И гнѣва Божія семь чашъ излейте
На землю». Съ первой чаши гной истекъ: — и раны
Покрыли всѣхъ имѣвшихъ начертанье
Звѣриное и ликъ звѣриный чтившихъ.
Другая чаша излилася въ море:
И море стало кровью, и живое
Все стало мертвымъ въ глубинѣ его.
И третья чаша излилась на рѣки
И на источники: и стали кровью
Всѣ. Ангелъ водъ воскликнулъ: «слава,
Господь, Твоей неизреченной правдѣ:
Пролившіе святую кровь пророковъ
Достойны кровью жажду утолять».
Четвертая была излита чаша
На солнце: и людей живущихъ солнце
Великимъ зноемъ стало опалять,
И опаленные великимъ зноемъ
Произнесли хулы на имя Бога,
Пославшаго имъ казнь, и покаяньемъ
Не принесли Ему достойной славы.
И чаша пятая была излита
На тронъ звѣриный: и покрылось царство

Его глубокой тьмою; отъ страданья
Свои языки злобясь грызли люди,
И не покаявшись хулили Бога.
Шестая чаша нá воды великой
Рѣки Евфрата пролилась: и воды
Изсякли, чтобъ царямъ съ востока путь
Былъ уготовленъ. И седьмая чаша
Была на воздухъ излита: великій
Тогда отъ храма и отъ трона голосъ
Послышался, сказавшій: «Совершилось!»
И было страшное блистанье, громы,
Землетрясенье, голосá, какихъ
Не вѣдали съ созданья на землѣ;
И на три части былъ разрушенъ градъ
Великій: помянулъ Господь великій
Градъ Вавилонъ, — и ярости своей
Виномъ его Онъ напоилъ, и далъ
Испить всю чашу гнѣва Своего.
И убѣжали острова, и горъ
Не стало, и какъ золото тяжелый
Упалъ на землю градъ, и людямъ были
Великія приключены имъ язвы,
И имя Божіе они хулили.
(XVII, 1–18) (6 окт.) И мнѣ тогда единый изъ седми
Носящихъ чаши ангеловъ сказалъ:
«Я покажу тебѣ судъ надъ великой
Блудницею, сидящею на многихъ
Водахъ; вели блудодѣянье съ нею
Цари земные, и виномъ ея разврата
Земные люди упивались». — Въ духѣ
Онъ перевелъ меня въ пустыню; тамъ
Увидѣлъ я жену на седмиглавомъ
Десятирогомъ чермномъ звѣрѣ; та жена
Сидѣла облеченная въ порфиру

Багряную, блистая жемчугами,
И золотомъ, и камнями драгими;
Въ ея рукѣ была златая чаша,
До края полная виномъ ея
Разврата; надпись на ея челѣ
Стояла: «Тайна, Вавилонъ великій,
Мать любодѣйства и земныхъ развратовъ».
И кровію она святыхъ, и кровью
Свидѣтелей Іисусовыхъ была
Упоена. И я тому дивился.
И ангелъ мнѣ сказалъ: «Чему дивишься?
Тебѣ я тайну и жены и звѣря
Открою: звѣрь, тобою зримый, былъ —
И нѣтъ его; и онъ изъ бездны выйдетъ,
Пойдетъ въ погибель, и дивиться будутъ
Всѣ на землѣ живущіе, которыхъ
Съ начала міра имя въ книгу жизни
Не вписано, увидѣвши, что звѣрь
И былъ, и не былъ, и явился. Семь
Звѣриныхъ главъ суть семь холмовъ, на нихъ же
Сидитъ развратница жена, и семь
Царей; изъ нихъ погибло пять, шестой
Ужъ есть, седьмой еще не приходилъ,
Когда жъ прійдетъ, прійдетъ онъ не надолго.
И звѣрь, который былъ и не былъ, есть
Осьмой отъ седмерыхъ, и онъ пойдетъ
Въ погибель; десять же роговъ суть десять
Царей, еще не воспріявшихъ царства,
Но обреченныхъ воспріять его,
На часъ одинъ, со звѣремъ совокупно,
Чтобъ власть свою и силу передать
Единомышленному съ ними звѣрю.
(4 ноября) И съ Агнцемъ яростно начнутъ они
Вести войну, и Агнецъ побѣдитъ ихъ,

Понеже Онъ — Владыка всѣхъ владыкъ
И Царь царей. И всѣ, кто съ Нимъ въ союзѣ,
Суть вѣрные, суть призванные Имъ
Его избранники. А воды, гдѣ
Сидитъ развратница, суть племена,
Языки, люди и народы міра.
И роги на главѣ звѣриной злобно
Жену-развратницу возненавидятъ,
И разорятъ ее, и обнажатъ,
И, плоть ея сожравъ, ее огнемъ
Сожгутъ, понеже Богъ имъ положилъ
На сердце — волю совершить Его
И звѣрю уступить свою державу,
Пока слова Господнія не будутъ
Исполнены. А зримая тобою
Жена есть градъ великій, царь земныхъ
Царей». — Потомъ увидѣлъ я иного,
(XVIII, 1–24) Великую имѣющаго власть,
Святаго ангела, съ небесъ на землю
Сходящаго; и славою его
Вся освѣтилася земля; и сильно
Онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Палъ!
Палъ Вавилонъ, великій градъ, блудница!
Онъ сталъ пристанищемъ бѣсовъ, вертепомъ
Духовъ нечистыхъ, гнусныхъ птицъ поганымъ
Виталищемъ, понеже онъ виномъ
Развратной ярости своей народы
Всѣ упоилъ, понеже съ нимъ творили
Блудодѣянія цари земные,
И роскошью его обогатились
Купцы земные». Тутъ иной раздался
Изъ неба голосъ: «Отойди, народъ мой,
Отъ нечестивой, чтобъ не быть ея
Грѣховъ участникомъ и не погибнуть

Отъ язвъ ея, понеже до небесъ
Ея грѣхи достигли, и Господь
Неправды всѣ ея воспомянулъ.
Что сотворила вамъ, то сотворите
Ей нынѣ вы, и по дѣламъ ея
Воздайте вдвое,
И въ чашѣ, ею поднесенной вамъ,
Вина ей растворите вдвое; скорбью
И муками воздайте ей за славу
Ея и за гордыню! Величаясь,
Она въ своемъ надменномъ сердцѣ говоритъ:
«Сижу царицею; я не вдова
И горя не увижу!» — И за то
Въ единый день ее постигнутъ язвы,
И плачъ, и гладъ, и смерть, и сожжена
Огнемъ блудница будетъ, поелику
Господь, ее судящій, всемогущъ».
Тогда о ней восплачутъ, возрыдаютъ
Цари земные, съ ней блудодѣянья
Творившіе; узрѣвши дымъ ея
Пожара и смотря издалекá
На казнь ея, со страхомъ говорить
Великимъ будутъ: «Горе, Вавилонъ,
Великій городъ, городъ крѣпкій: въ часъ
Единый — судъ свершился надъ тобою!»
И всѣ о ней восплачутъ, возрыдаютъ
Купцы земные, поелику ихъ
Товаръ никѣмъ не будетъ покупаемъ;
Ужъ никому не будутъ продавать
Ни золота, ни серебра, ни перловъ,
Ни камней дорогихъ, ни ризъ пурпурныхъ,
Ни шелку, ни виссона, ни деревъ
Благоуханныхъ, ни издѣлій всякихъ
Изъ дерева, слоновой кости, мѣди,

Желѣза, мрамора и янтаря;
Не будутъ продавать уже ни пряныхъ
Кореньевъ, ни куреній, ни ливана,
Ни мурры, ни смолы благоуханной,
Ни чистаго елея, ни вина,
Ни хлѣба, ни овецъ, ни козъ, ни коней,
Ни колесницъ, ни человѣчьихъ тѣлъ
И душъ. И будутъ, плача и рыдая,
Купцы земные въ страхѣ говорить:
«Въ единый часъ погибло все твое
Богатство, градъ великій Вавилонъ!»
И издали смотря на казнь ея,
Всѣ корабельщики, всѣ по морямъ
Ходящіе на корабляхъ воскликнутъ:
«Гдѣ градъ, великому подобный граду?»
И головы они посыплютъ пепломъ,
И съ плачемъ и рыданьемъ скажутъ: «Горе
Тебѣ, великій градъ, который всѣхъ
Ходящихъ по морямъ обогатилъ
Своимъ богатствомъ: ты въ единый часъ
Былъ разоренъ — и страшно опустѣлъ!
(5 ноября) Возрадуйтесь о томъ, всѣ небеса,
Святые всѣ и всѣ пророки: судъ вашъ
Богъ совершилъ надъ нимъ!» И ангелъ взялъ
Тяжелый, жернову подобный, камень
И съ высоты — его низвергнулъ въ море,
Сказавъ: «Такъ быстро ниспровергнутъ будешь,
Градъ Вавилонъ великій! И тебя
Не станетъ болѣ; и въ тебѣ
Не будутъ слышимы ни струны лиръ,
Ни звуки флейтъ, ни голоса́ поющихъ,
Ни громъ звучащихъ трубъ, и никакого
Художества въ тебѣ уже не будетъ!
Не будетъ слышно шумной жернововъ

Работы! Ужъ тебя не освѣтятъ
Свѣтильники, и го́лоса невѣстъ
И жениховъ въ тебѣ не будетъ слышно!
Понеже были сильными князьями
Твои купцы, понеже всѣ народы
Твоими чарами увлечены
Въ погибельное заблужденье были,
И кровь пророковъ, и святыхъ, и всѣхъ
Убитыхъ на землѣ обрѣтена
Была въ тебѣ!» И тутъ услышалъ я
(XIX, 1—21) На небѣ гласъ, какъ будто шумный говоръ
Народа многаго; и восклицалъ
Онъ: «Аллилуія! спасенье, слава,
И честь, и сила Господу! понеже
Суть истинны и праведны суды
Его: Онъ поразилъ Своимъ судомъ
Развратницу, которая всю землю
Наполнила своимъ любодѣяньемъ,
И кровь Своихъ рабовъ, ея рукою
Пролитую, на ней взыскалъ!» И снова
Раздался гласъ поющій «Аллилуія»!
И четверо держащихъ тронъ животныхъ
И съ ними всѣ въ златыхъ коронахъ двадцать
Четыре старца падши поклонились
Сидящему на тронѣ Богу, громко
Воскликнувъ «Аллилуія». Отъ трона
Изшелъ великій голосъ, говорящій:
«Хвалите Бога всѣ Его рабы,
Всѣ малые, великіе и всѣ
Боящіеся Бога!» И услышалъ
Какъ будто гласъ толпы людей великой,
Какъ будто шумъ отъ многихъ водъ,
Какъ бы гласъ грома, говорящій: «Аллилуія! —

Господь Всевышній воспріялъ державу!
Возрадуемся и возвеселимся,
И славу воздадимъ Ему, понеже
Бракъ Агнца наступилъ и ужь готова
На бракъ жена, одѣянная въ чистый
Виссонъ, — виссонъ же праведность святыхъ».
И я услышалъ гласъ: «Блаженны всѣ
(6 ноября) Призванные на брачный Агнца пиръ!» —
И небеса отверзлись: тамъ явился
Конь бѣлый; и Сѣдокъ того коня
Именовался Истиннымъ и Вѣрнымъ,
Судящимъ и воюющимъ по правдѣ;
И очи были у Него какъ пламень,
И много діадимъ имѣлъ Онъ
На головѣ; и было имя,
Невѣдомое никому, на Немъ
Начертано, лишь Онъ единый вѣдалъ
То имя; Онъ окровавленной ризой
Былъ облеченъ; Себя именовалъ
Онъ «Слово Божіе». И вслѣдъ за Нимъ
Шло воинство небесное, на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное бѣлый
И чистый. И изъ устъ Его мечъ острый
На казнь народовъ исходилъ; Онъ ихъ
Пасетъ жезломъ желѣзнымъ, и точило
Вина Господней ярости Онъ топчетъ.
И на бедрѣ Его и на одеждѣ
Есть начертанье: Царь царей, Владыка
Владыкъ. Тутъ ангела увидѣлъ я,
Стоящаго на солнцѣ; онъ скликалъ
Всѣхъ поднебесныхъ птицъ и говорилъ имъ:
«Слетайтеся со всѣхъ сторонъ, летите
(7 ноября) На вечерю великую Господню,

Чтобъ трупы пожирать царей, и трупы
Владыкъ, и трупы воеводъ, и трупы
Коней и всадниковъ, и трупы всѣхъ
Свободныхъ, всѣхъ рабовъ, всѣхъ малыхъ, всѣхъ
Великихъ!» Тутъ узрѣлъ я звѣря,
Царей земныхъ и всю ихъ рать,
Собравшихся, чтобы вступить въ сраженье
Съ Сидящимъ на конѣ и съ силой ратной
Его. И звѣрь былъ схваченъ, вмѣстѣ съ нимъ
И лжепророкъ, творившій чудеса,
Чтобъ увлекать къ принятью начертанья
Звѣринаго и въ поклоненье лику
Его людей. Ихъ бросили живыхъ
Въ глубь озера, пылающаго сѣрой;
Другіе жъ всѣ истреблены мечемъ,
Который исходилъ изъ устъ на бѣломъ
Конѣ Сидящаго, и птицы ихъ
(XX, 1–15) Пожрали трупы. Тутъ явился ангелъ,
Отъ бездны ключъ имѣющій въ рукѣ
И цѣпь великую: дракона, змѣя
Лѣтъ древнихъ (онъ же сатана и дьяволъ)
На тысячу сковалъ онъ лѣтъ,
И бросилъ въ бездну, и печатью заперъ
Дверь бездны, чтобъ не могъ народовъ,
Покуда тысяча не совершилась
Лѣтъ, обольщать губитель; онъ же послѣ
На малое освободиться время
Былъ предназначенъ. Тутъ увидѣлъ я
Престолы и на нихъ сидящихъ, судъ
Творить назначенныхъ; увидѣлъ души
Святыя за свидѣтельство Христа
Убитыхъ и за слово Божье, звѣрю
Не поклонившихся, ни лику звѣря,
И не принявшихъ знаменья его

Ни на чело, ни нá руку свою,
(8 ноября) И ожили, чтобъ тысячу съ Христомъ
Лѣтъ царствовать, они. Другіе жъ всѣ
Остались мертвыми, пока вполнѣ
Тысячелѣтіе не совершится.
То будетъ воскресеньемъ первымъ. Благо
Тому, кто въ первомъ воскресеньи приметъ
Участіе: надъ нимъ вторая смерть
Имѣть не будетъ власти, и — священникъ
Христа и Бога — будетъ вмѣстѣ съ Нимъ
Онъ тысячу лѣтъ царствовать. Когда же
Тысячелѣтія свершится кругъ,
Освободится сатана, и выйдетъ
Прельщать живущіе на всѣхъ концахъ
Земли народы, и начнетъ на брань
Ихъ собирать: и будетъ, какъ песокъ
Морской, число сподвижниковъ его.
И выступила рать на широту
Земли, и окружила станъ святыхъ
И градъ возлюбленный, и низлетѣлъ
Съ небесъ отъ Бога огнь и всѣхъ пожралъ ихъ;
А сатана, ихъ обольстившій, ввергнутъ
Въ глубь озера, пылающаго сѣрой,
Гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и звѣрь, и лжепророкъ
Должны терпѣть мученія во вѣки
Вѣковъ. Потомъ великій бѣлый я
Престолъ увидѣлъ и Того, Кто былъ
На томъ престолѣ; отъ лица жъ Его
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось. И я увидѣлъ мертвыхъ,
И малыхъ, и великихъ, передъ Богомъ
Стоящихъ; было много книгъ раскрыто,
И разогнулася животныхъ книга:
И по дѣламъ своимъ, какъ было въ книгахъ

Записано, всѣ мертвые судились.
И море возвратило мертвыхъ, бывшихъ
На днѣ его; и смерть и адъ своихъ
Всѣхъ мертвыхъ отдали; и по дѣламъ
Своимъ судимъ былъ каждый. Смерть и адъ
Въ глубь озера пылающаго были
Навѣкъ низвержены: и то была
Вторая смерть. И тотъ, кто не былъ въ книгу
Животныхъ вписанъ, навсегда низвергнутъ
Въ глубь озера пылающаго былъ.
(XXI, 1–27) И новое тогда узрѣлъ я небо
И землю новую, понеже прежнихъ
Не стало, и исчезло море. Я
Увидѣлъ градъ святый, увидѣлъ новый
Ерусалимъ, отъ Бога нисходящій
Съ небесъ, убра́нный какъ невѣста,
Идущая для брака къ жениху.
И съ неба раздался́ великій голосъ, говорящій:
«Здѣсь скинія Господняя; и въ ней
Всѣ человѣки собраны, и будетъ
Жить съ ними Богъ; Его народомъ будутъ
Они, и Онъ ихъ Богомъ будетъ. Онъ
Сотретъ съ очей ихъ всякую слезу.
И смерти болѣе, ни слезъ, ни воплей.
Ни скорби, ни болѣзни ужь не будетъ,
Понеже прежнее все миновалось».
Тогда сказалъ Сидящій на престолѣ:
«Все новое творю Я, — совершилось!
Я вѣчный Богъ, Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ. Я отъ воды
Живой дамъ жаждущему выпить туне.
И все наслѣдуетъ — кто побѣждаетъ,
И буду Богъ ему, и будетъ онъ Мнѣ сыномъ!
А всѣ отступники живаго Бога

Въ глубь озера пылающаго будутъ
Навѣкъ низвержены: и будетъ то
(10 ноября) Вторая смерть». Тогда ко мнѣ единый
Изъ ангеловъ, принесшихъ съ неба семь
Послѣднихъ въ чашахъ язвъ, пришедъ сказалъ
«Иди со мной: тебѣ невѣсту Агнца
Я покажу». И въ духѣ онъ восхитилъ
Меня на высоту горы великой
И показалъ великій городъ мнѣ —
Святой Ерусалимъ, отъ Бога съ неба
Сходящій, Божію имѣвшій славу,
Блистающій, какъ камень драгоцѣнный —
Кристалловидный яспись. Обнесенъ
Былъ градъ высокою стѣной; двѣнадцать
Въ ней было вратъ; и на вратахъ стояло
Двѣнадцать ангеловъ; и имена
Двѣнадцати израильскихъ колѣнъ
На нихъ начертанныя зрѣлись; было трое
Вратъ на востокъ, на западъ трое, трое
На полдень, и на полночь трое. Твердыхъ
Двѣнадцать основаній стѣны града
Имѣютъ, и написаны на нихъ
Всѣ имена двѣнадцати Христовыхъ
Апостоловъ. И ангелъ, говорившій
Со мной, имѣлъ для измѣренья града
И стѣнъ и вратъ его златую трость.
Былъ градъ о четырехъ углахъ; длиной
И шириной былъ равенъ. И измѣривъ
Его своей златою тростью, ангелъ
Нашелъ, что все его пространство было
(12 ноября) Двѣнадцать тысячъ стадій, и что онъ
Въ длину, и въ широту, и въ высоту
Былъ равенъ, и что стѣны града были,
По мѣрѣ человѣческой, въ сто сорокъ

Четыре локтя. Стѣны жъ града были
Изъ ясписа; самъ городъ былъ построенъ
Изъ золота, чистѣйшему стеклу
Подобнаго; а основанье стѣнъ
Изъ свѣтлыхъ драгоцѣнныхъ камней было:
Изъ ясписа, сапфира, халкидона,
Сардоникса, смарагда, хрисопраса,
Вирилла, хризолиѳа, гіацинта,
Топаза, сарда, аметиста. Были
Двѣнадцать вратъ воздвигнуты изъ цѣльныхъ
Жемчужинъ каждыя; помосты улицъ
Изъ золота, какъ чистое сіяли
Стекло. Но храма въ немъ я не видалъ:
Его былъ храмомъ Вседержитель Богъ
И Агнецъ. Граду солнце и луна
Для свѣтлости не нужны были: слава
Господняя ему сіяла, Агнецъ
Его свѣтильникъ былъ; и всѣ народы
Спасенные ходить во свѣтѣ будутъ
Его; и принесутъ въ него цари
Земные честь свою и славу; днемъ
Его врата не затворятся, ночи жъ
Не будетъ тамъ. Въ него народовъ честь
И слава принесется. Не войдетъ лишь
Въ него ничто нечистое, никто,
Нечестіемъ и ложью оскверненный;
Войдутъ лишь тѣ, которыхъ имена
Записаны у Агнца въ книгу жизни. —
(XXII, 1–16) И рѣку чистую воды живой
Тутъ ангелъ показалъ мнѣ: свѣтлымъ
Она кристалломъ отъ престола Божья
И Агнцева текла; на берегу
Ея потока древо жизни, плодъ свой
Двѣнадцать разъ дающее, росло

И листъ давало свой на исцѣленье
Народовъ. «И ужъ болѣ ничего
Проклятаго не будетъ; тронъ Господній
И Агнцевъ будетъ въ немъ; и будутъ Богу
Служить Его рабы; они увидятъ
Его лицо, и будетъ на челѣ ихъ имя
Его начертано. И ночи тамъ
Не будетъ; ни свѣтильника, ни солнца
Не будетъ нужно, поелику самъ Господь
Ихъ свѣтомъ будетъ, и они во вѣки
Вѣковъ тамъ будутъ царствовать со славой».
Такъ ангелъ говорилъ; и пасть на землю
Предъ нимъ хотѣлъ я. «Воздержись» — сказалъ онъ —
«Отъ поклоненья: твой я и всѣхъ братій
Твоихъ, пророковъ, сослужитель, всѣхъ,
Кто каждое написанное чтитъ
Въ сей книгѣ слово. Богу поклоняйся!
(13 ноября) Не запечатывай (потомъ сказалъ онъ)
Пророческихъ сей книги словъ, понеже
Подходитъ время. Пусть еще творитъ
Неправедный неправду; пусть еще
Себя нечистый оскверняетъ; правду
Пусть продолжаетъ праведникъ творить;
Пусть освящается святый! Пріиду
Я скоро, и со Мной мое возмездье,
И каждый по дѣламъ своимъ тогда
Получитъ мзду. Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ, и первый и
Послѣдній». Благо тѣмъ, кто соблюдаетъ
Его законъ, дабы отъ древа жизни
Вкусить и въ градъ святый войти вратами.
Но не войдутъ туда ни чародѣи,
Ни слуги идоловъ, ни любодѣйства
Рабы, ни оскверненные убійствомъ,

Ни любящіе ложь. И Онъ, Христосъ,
Ко всѣмъ церквамъ съ свидѣтельствомъ Своимъ
828 Пославшій ангела»...

Нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній.

На этомъ рукопись прерывается... Въ настоящемъ своемъ трудѣ Жуковскій внимательно отнесся къ новозавѣтному «Апокалипсису» и строго слѣдовалъ ходу его разсказа; но онъ взялъ изъ него только рядъ образовъ и опустилъ многія назиданія и обличенія. Пересказъ начинается съ первой же главы (со стиха 10-го); вторая и третья глава опущены; затѣмъ разсказъ идетъ непрерывно, съ нѣкоторыми сокращеніями, и обрывается на послѣдней главѣ, на 16-мъ стихѣ текста; только шести стиховъ не довелъ поэтъ до конца.

Не докончивъ своего труда, Жуковскій не успѣлъ и отдѣлать его, хотя и приступалъ къ этому: въ началѣ пьесы видны его собственноручныя поправки, которыя обрываются на 214-мъ стихѣ. По той же причинѣ стихи здѣсь далеко не одинаковаго размѣра; значительное большинство изъ нихъ — пятистопные, но есть и четырехстопные, и шестистопные, и даже два *семистопныхъ* стиха.

Вся рукопись написана рукою переписчика, вовсе незнакомаго съ фактурою стиха, не совсѣмъ грамотнаго; знаки препинанія встрѣчаются рѣдко и неправильно.

Переписывая такую рукопись для печати, мы позволили себѣ слѣдующія измѣненія:

Въ стихахъ 48, 148, 292, 365, 373, 386 (по рукописи поэта 906, 1005, 1149, 1222, 1230, 1243) мы отбросили союзы «*и*», какъ лишніе въ мѣрномъ ходѣ рѣчи. Но пусть читатель судитъ самъ, — вотъ эти стихи:

48 (906) Ихъ повторили, съ ними жъ пѣло *и* все созданье...
148 (1005) Часть дня была безъ свѣта, *и* третья...
292 (1149) Напишетъ. *И* новое видѣніе предстало...
365 (1222) На землю. *И* съ первой чаши гной истекъ, — и раны...

373 (1230) Всѣ, *и* ангелъ водъ воскликнулъ: слава...
386 (1243) Его глубокой тьмою *и* отъ страданья...

Въ стихахъ 132 (989), 141 (998), вмѣсто «трубо*ю*» мы поставили «трубо*й*».

Въ стихѣ 158 (1015) поставили «помрачилос*я*» вм. помрачилос*ь*.

Стихъ 299 (1156) прежде былъ: «Великихъ *гласу*» и струны арфъ»; для стиха мы поставили: «*голосу*».

Въ стихѣ 308 (1165): «Имѣлъ въ рукѣ Евангел*іе*, чтобъ благо» — оказалось неизбѣжнымъ, для стиха, опустить слово «чтобъ».

Въ стихахъ 352 (1209) и 366 (1223):

«Тебѣ языки, ибо оправдан*ія*»...
«Покрыли всѣхъ имѣвшихъ начертан*іе*»...

мы поставили: «оправданья», «начертанье», какъ того требуетъ размѣръ стиха.

Стихъ 398 (1255) у насъ явился измѣненнымъ: — прежде былъ *семистопный* съ дактилическимъ окончаніемъ, котораго поэтъ ни разу не употребилъ въ своей поэмѣ:

«Съ созданья человѣки на землѣ не вѣдали».

Мы сдѣлали изъ него пятистопный.

Стихи 493 и 494 составляли прежде одну строку (1350), въ которой было $7\frac{1}{2}$ стопъ и притомъ не составлявшихъ стиха.

«Воздайте вдвое, и въ чашѣ ею поднесенной вамъ»;

мы ее разбили на два правильныхъ стиха, при чемъ одинъ неизбѣжно явился двустопнымъ.

Въ стихѣ 520 (1376) вмѣсто дикаго слова «издѣленій» мы поставили «издѣлій».

Стихи 550 и 551 (1406 и 1407) были первоначально въ такомъ видѣ:

«Не станетъ болѣ, и въ тебѣ не будутъ
Слышимы ни струны лиръ»;

Очевидно, что вторая строка являлась *хореемъ*; мы перенесли изъ предыдущей строки слова «не будутъ» и образовался ямбъ пятистопный: «Не будутъ слышимы ни струны лиръ»...

— Въ стихѣ 565 (1421) прибавленъ нами союзъ «*и*»: (И тутъ...).

— Въ стихѣ 586 (1442) прежде было:

«Какъ бы гласъ толпы людей великой»

для стиха оказалось нужнымъ сказать: «Какъ будто гласъ... и т. д.

— Напротивъ того, въ стихѣ 588 (1444):

«Какъ будто гласъ грома, говорящій: Аллилуія»,

надо было вмѣсто «Какъ будто» поставить: «Какъ бы гласъ грома»... и т. д.

— Стихи 602 и 603 (1458—1459) читались:

«И много діадимъ на головѣ
Имѣлъ онъ, и было имя»...

такъ какъ послѣдняя строка вовсе не представляла стиха, то нужно было допустить перестановку:

«И много діадимъ имѣлъ онъ
На головѣ, и было имя...

— Стихъ 676 (1532) не былъ стихомъ:

«Съ небесъ отъ Бога *огонь* и всѣхъ пожралъ ихъ»

необходимо явилось сократить «огонь» на «огнь».

— Стихъ 707 (1563) читается въ рукописи:

«И раздался великій гласъ съ небесъ, говорящій»

Тутъ нѣтъ стиха и семь стопъ; нужно было хоть стихъ образовать:

И съ неба раздался великій голосъ, говорящій».

— Въ стихѣ 708 (1564) вмѣсто Господня мы для стиха сказали: Господн*я*я.

— Стихи 722—723 (1578—1579) не были правильными стихами:

«И буду Богъ ему и будетъ онъ
Мнѣ сыномъ. А всѣ отступники живаго Бога»...

Для исправленія втораго стиха, надо было сдѣлать небольшую перестановку:

И буду Богъ ему и будетъ онъ Мнѣ сыномъ.
А всѣ отступники живаго Бога...

— Въ стихахъ 730 и 732 (1586, 1588)

...И въ духѣ онъ восхитив*ъ*...

Тамъ показалъ...

допущены нами измѣненія: восхити*лъ*... *и* показалъ, согласно тексту священной книги (XXI, 10).

— Въ стихѣ 738 (1594 вм. «Въ *нихъ*» мы поставили «въ *ней*», потому что рѣчь идетъ о стѣнѣ.

— Стихъ 789 (1645) не представлялъ собою стиха:

«И Агнцева текла; *на брегу*».

Очевидно, что надо было поставить: «*на берегу*».

Въ пунктуаціи своей мы соображались съ русскимъ синодальнымъ переводомъ Апокалипсиса.

Четырехстопные стихи въ отрывкѣ слѣдующіе: 8, 14, 25, 93, 121, 159, 166, 189, 235, 249, 296, 373, 587, 602, 603, 626, 627, 643, 645, 705 и 787 (всего 21 стихъ).

Шестистопные стихи: 48, 173, 210, 243, 291, 292, 304, 305, 365, 414, 418, 498, 576, 741, 797 и 800 (всего 16 стиховъ).

Вслѣдъ за «Апокалипсисомъ», въ рукописи Жуковскаго, идутъ два варіанта его. Свой «Апокалипсисъ» Жуковскій впослѣдствіи значительно сократилъ: изъ 828 стиховъ сдѣлалъ только 114, но и это нашелъ длиннымъ и отложилъ его. Для нагляднаго представленія, какъ поэтъ сжималъ свой разсказъ, мы приведемъ этотъ новый отрывокъ. Онъ былъ уже напечатанъ въ 6-мъ и 7-мъ изданіяхъ «Сочиненій Жуковскаго», но съ ошибками и пропусками, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Видѣніе Іоанна Богослова». Въ рукописи онъ не имѣетъ никакого заглавія и даже не зачеркнутъ, а только обведенъ красною чертою слѣва. Передъ нимъ встрѣчаемъ опять *новый* варіантъ такого же содержанія, необработанный, недоконченный и *зачеркнутый*, изъ котораго однако необходимо взять $3^1/_2$ начальныхъ стиха для связи разсказа. Приводимый нами отрывокъ находится въ поэмѣ послѣ стиха:

«Судьбы грядущія» — (см. выше, стр. 37, стихъ 914).

Отрывокъ, которымъ Жуковскій думалъ-было замѣнить свой «Апокалипсисъ».

. . . . Изъ словъ пророка
(26 ноября) Рожденныя, видѣнья предо мною
Глубоко спящимъ быстро пролетали.
Я видѣлъ тронъ, стоящій на хребтѣ
Великихъ четырехъ шестикрылатыхъ
Животныхъ, и предъ трономъ золотыми
Коронами вѣнчанныхъ старцевъ [1]).
Я видѣлъ, что на тронѣ возсѣдалъ
Сіяющій какъ солнце Нѣкто.
И слышалъ пѣнье: «святъ! святъ! святъ!»
И гласъ съ престола былъ: «Я Альфа и Омега;
Я первый и послѣдній: Я всему
Начало и конецъ». Я видѣлъ книгу,
Запечатлѣнную семью печатьми,
Въ рукѣ Сидящаго на горнемъ тронѣ.
Я видѣлъ Агнца, предъ Которымъ все —
Животные-престолоносцы, старцы,
И ангелы, и все, что въ небесахъ,
Что на землѣ, что въ глубинѣ земли,
Что на моряхъ, что въ глубинѣ морей —
Все въ пѣснь единую совокупилось.
Я видѣлъ, какъ печати Агнецъ снялъ
Съ великой книги; какъ четыре быстро

---

[1]) Въ другомъ варіантѣ (зачеркнутомъ) этого отрывка были еще слѣдующіе прекрасные стихи:

....И отъ кадильницъ, въ ихъ рукахъ
Дымившихся, благоуханьемъ чистымъ —
Молитвы къ трону подымались....

Коня пустились: бѣлый, черный, красный
И блѣдный, и сѣдокъ на блѣдномъ страшный
Именовался «Смерть». Я видѣлъ ужасъ
(1 декабря) Землетрясенья, какъ затмилось солнце,
И кровью сдѣлалась луна, и звѣзды
Попадали на землю, и свернувшись
Какъ власяница, небеса исчезли.
И слышалъ я, какъ раздалися вопли
Земныхъ людей: «падите на главы
Намъ, горы, и сокройте насъ
Отъ Агнца: часъ суда Его насталъ!»
Я видѣлъ ангела, съ востока въ блескѣ
Идущаго, неся въ рукѣ печать
Живаго Бога, и свершилъ онъ ею
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье.
И быстро предо мной во снѣ видѣнья
Одно другимъ смѣнялись: семь съ трубами
Губительными ангеловъ, на землю
Всѣ бѣдствія пославшихъ, я увидѣлъ [1]).
И ангелъ на̀ морѣ и на землѣ
Стоявшій, поклялся́ съ простертой къ небу
Десницею, что время миновалось.
И съ голосомъ седьмой трубы явился —
Увидѣлъ я — на небѣ храмъ отверстый,
И въ немъ ковчегъ завѣта, и отвсюду
Зажглися молніи, заговорили
Своими голосами громы, все
Землетрясеніемъ поколебалось.
На небесахъ увидѣлъ я жену,
Вѣнчанную двѣнадцатью звѣздами;
Увидѣлъ, какъ драконъ багряноцвѣтный

[1]) Въ рукописи «Всё бѣдствіе»; но точнѣе, кажется, будетъ: «Всѣ бѣдствія», какъ печаталось въ 6 и 7 изданіяхъ, сообразно содержанію «Апокалипсиса».

Пожрать ея младенца порывался;
Какъ былъ младенецъ взятъ на небеса,
Жена жъ въ пустыню скрылась отъ дракона;
Какъ началась война на небесахъ,
Какъ Михаилъ архангелъ побѣдилъ
Дракона-змія, древняго врага.
И новое видѣнье мнѣ предстало:
Увидѣлъ я, какъ изъ морской пучины
Поднялся седмиглавый звѣрь, какъ власть
Свою драконъ далъ звѣрю, какъ предъ нимъ
Невписанные въ книгу жизни Агнцемъ
(2 декабря) Простерлись всѣ. И въ небесахъ узрѣлъ
Я Человѣческаго Сына съ острымъ
Серпомъ; узрѣлъ, какъ жатва совершилась
Всемірная; какъ ангелы, семь чашъ
Несущіе, послѣднія излили
На землю язвы, и изъ неба голосъ
Изшедшій произнесъ: «свершилось все!»
И какъ потомъ явился свѣтлый ангелъ,
(7 февр. 1852 г.) Сказавшій: «палъ великій Вавилонъ!»
Какъ небеса хвалебное воспѣли,
При гласѣ ономъ, Аллилуіа;
Какъ въ небесахъ явился чудный Всадникъ,
На бѣломъ скачущій конѣ, во многихъ
Коронахъ, съ именемъ неизреченнымъ,
Ему лишь вѣдомымъ; а Самъ Себя
Онъ «Словомъ Божіимъ» именовалъ.
И видѣлъ я, какъ вслѣдъ за Нимъ, на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый
Шло воинство, и какъ изъ устъ Его
На казнь людей мечъ острый исходилъ.
Увидѣлъ я, какъ на Него поднялся
Съ своею силой звѣрь; какъ схваченъ былъ
И звѣрь, и лжепророкъ его, людей

Ему въ служенье увлекавшій; какъ
Въ глубь озера пылающаго ихъ
Низвергли; острый мечъ же, исходившій
Изъ устъ Вождя, всю рать ихъ истребилъ;
Какъ послѣ — змія, древняго дракона,
Могучій ангелъ, цѣпью оковавъ,
Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнулъ лѣтъ и заперъ
Печатью бездну, чтобъ не могъ губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелѣтіе.
И видѣлъ я великій бѣлый тронъ,
И отъ лица Сидѣвшаго на тронѣ
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось нигдѣ; и видѣлъ я,
Какъ глубина земли и мо́ря мертвыхъ
Всѣхъ возвращала; какъ съ живыми вмѣстѣ
Они стекались къ трону; какъ предъ ними
Раскрылася на судъ послѣдній книга
Животныхъ; какъ былъ страшный вѣчный судъ
Произнесенъ; какъ смерть и адъ на вѣки
Въ глубь озера пылающаго были
Низвержены, и какъ потомъ явились
Другое небо и земля, и новый
Съ небесъ сошелъ Ерусалимъ, святой
Градъ Божій, свѣтлый какъ невѣста.

Впослѣдствіи и изъ этихъ 114 стиховъ поэтъ сдѣлалъ только 60, которые наконецъ и включилъ въ свою поэму (см. выше, стр. 38—40, стихи 934—993).

Стихи здѣсь 99-й и 100-й въ рукописи составляютъ *одну* строчку; но такъ какъ въ этомъ видѣ они образуютъ *восьмистопный* стихъ, то мы позволили себѣ разбить его на два стиха.

Другіе пропущенные стихи и варіанты въ поэмѣ.

«Намъ не мѣшаетъ подбирать
то, что бросаетъ Жуковскій».
Пушкинъ.

Въ рукописи Жуковскаго «Странствующій Жидъ» встрѣчаемъ не мало стиховъ, не вошедшихъ въ его произведеніе; одни изъ нихъ зачеркнуты поэтомъ и замѣнены другими; нѣкоторые отброшены безъ всякой замѣны; третьи наконецъ опущены не имъ, а первыми издателями его поэмы. Мы приводимъ здѣсь всѣ подобные стихи, интересные для уясненія личности Жуковскаго, какъ художника, и размѣщаемъ ихъ по ходу поэмы, обозначая цифрами, куда какіе изъ нихъ относятся[1]).

Въ самомъ началѣ поэмы встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

8 «Переступивъ, подъ ношею Его давившей,
Какъ плотоядный звѣрь свою добычу,
Имъ схваченную, давитъ, падалъ снова».

Стихи эти вовсе не зачеркнуты поэтомъ; они опущены, вѣроятно, Плетневымъ, графомъ Блудовымъ и доселѣ не появлялись ни въ одномъ печатномъ изданіи. Такъ-какъ они видимо ослабляютъ впечатлѣніе разсказа, то и мы не вносимъ ихъ въ текстъ, сохраняя ихъ только здѣсь для памяти.

— Послѣ 408 стиха былъ еще стихъ (зачеркнутый карандашомъ):

«Всѣ бѣдствія въ одну бѣду слилися:»

Не хотѣлъ ли поэтъ его передѣлать, да забылъ? Въ текстѣ поэмы онъ былъ бы нелишнимъ.

— Послѣ 536 стиха въ рукописи былъ еще стихъ: «Не буду я описывать всего», но поэтъ его весьма основательно зачеркнулъ.

---

[1]) Нумерацію мы разумѣемъ въ настоящей печатной редакціи.

— 549 стихъ читался такъ:

«Меня родившую утробу, *ей*,
На свѣтъ меня пустившей. А когда я».

Подчеркнутыя слова выброшены поэтомъ.

— Послѣ 581 стиха въ рукописи были стихи, написанные рукою самого поэта (черниломъ):

«Я шелъ впередъ, безъ воли, безъ предмета,
И безъ надежды, гдѣ остановиться
Или куда дойти — я не имѣлъ
Товарищей; со мною братства люди
Чуждались; я отъ нихъ гостепріимства
И не встрѣчалъ и не просилъ; какъ нищій...

Но эти 6 стиховъ дважды перечеркнуты карандашомъ; ихъ замѣнилъ поэтъ однимъ стихомъ, его же рукою написаннымъ сверху тѣхъ:

«Между людьми, какъ нищій безпріютный»...

Въ печатныхъ изданіяхъ однако явились зачеркнутые шесть стиховъ, а вовсе нѣтъ послѣдняго. Опущенные стихи дѣйствительно прекрасны; но если поэтъ нашелъ, что они растягиваютъ рѣчь, и замѣнилъ ихъ однимъ стихомъ, надо послушаться его. Вотъ почему мы не ввели ихъ въ текстъ, а сохраняемъ только въ приложеніяхъ. Правда, въ нумераціи поэмы они считаются; но мы потомъ увидимъ, что въ ней считаются и многіе другіе стихи, отброшенные поэтомъ и непринятые издателями его. И наоборотъ, въ нее не вошли многіе стихи, существующіе въ рукописи.

— Послѣ 796 стиха, въ рукописи стоятъ стихи:

«Хотя еще къ моей груди усталой,
По прежнему, во мракѣ ночи сонъ
Не прикасался; но уже во тьмѣ
Не ужасы минувшаго, какъ злыя
Страшилища, передо мной стояли,
Въ меня вонзая рѣжущіе душу
Глаза, а что-то тихое, мнѣ...

Но эти семь стиховъ перечеркнуты черниломъ двумя чертами, обведены съ трехъ сторонъ чертами и видимо исключены поэтомъ. Всѣ прежнія изданія однако ихъ вводятъ въ текстъ, вѣроятно на томъ основаніи, что нумерація включаетъ ихъ въ составъ поэмы. Но дѣло нумераціи могло быть произведено собственными силами писца, безъ всякаго надзора полуослѣпшаго поэта. Мы думаемъ, что вносить эти стихи въ текстъ не слѣдуетъ: характеръ содержанія ихъ, какая-то жесткость воспоминаній не гармонируютъ съ предыдущими стихами, и мы ихъ опускаемъ. И безъ нихъ смыслъ сохраняется очень легко, если допустить незначительное измѣненіе. Послѣ ихъ слѣдуютъ стихи 797 — и т. д., въ которыхъ читаемъ: «Еще не откровенн*ое*... вливал*ося*... и усмирял*о*»; мы эти слова грамматически согласовали съ существительнымъ 796-го стиха «отрада»: еще не откровенн*ая*.... вливал*ася* и усмирял*а*. Очевидно, что эту поправку поэтъ забылъ или не успѣлъ сдѣлать. Предлагаемъ все это какъ свое мнѣніе, какъ догадку; люди болѣе сильные да установятъ окончательный текстъ. Поправку: «еще неоткровенн*ая*» подтверждаетъ отчасти и 7-е изданіе, пользовавшееся спискомъ г. Бартенева (т. V, стр. 544).

— Послѣ 1127 стиха прежде читалось такъ:

(прошелъ)
«Съ благословеніемъ — оно невнятно
Для слуха было, но глубоко слышно
Душѣ и усладительно, какъ въ знойныхъ
Пескахъ внезапное подуновенье
Прохлады путнику, неисходимо
Пропавшему въ ихъ огненныхъ сугробахъ»...

Но эти стихи перечеркнуты крестомъ. Замѣчательно, что они тоже *входятъ* въ общій счетъ стиховъ поэмы, однако прежнія изданія ихъ *не* взяли; зачѣмъ же прежде они дважды нарушали указаніе поэта, а теперь исполнили его? Не лучше ли держаться одного чего-нибудь? Не лучше ли послѣдовать эстетическому чувству поэта, исполнить волю *автора*?

— Вслѣдъ за 1167 стихомъ написаны были слѣдующіе стихи:

«Здѣсь надо мной произнесенной казни
Ту благодать вполнѣ постигнулъ я.
О, Онъ въ тотъ мигъ......»

и такъ далѣе 14 стиховъ, именно тѣхъ самыхъ, которые потомъ вошли въ текстъ въ другомъ мѣстѣ (ст. 1276—1289) и потому они здѣсь зачеркнуты поэтомъ.

— Послѣ 1169 стиха былъ еще цѣлый рядъ стиховъ, неотдѣланныхъ, переправляемыхъ, изъ которыхъ можно разобрать вотъ что (беремъ то, что укладывается въ стихъ):

«Тамъ, окруженный разрушеньемъ страшнымъ
Всего, что нѣкогда я называлъ
Своимъ — отечества, Ерусалима,
Дѣтей, и ближнихъ, и всего, чѣмъ жизнь
Намъ радостна, — лишенный упованья
На смерть, отъ тяжкаго недуга жизни
Цѣлящую, — какъ выброшенный бурей
На твердую скалу пловецъ — я поглядѣлъ
Съ смиреніемъ въ глаза моей судьбы:
Мнѣ предстоялъ величественный ангелъ,
Исполненный святого состраданья
(Варіантъ: Она Господній строгій ангелъ, полный
Божественнаго состраданья);
Она мой путь мнѣ указала,
На вѣчное здѣсь странствованье посохъ
Терпѣнья подала, и я за нею
Пошелъ въ мой путь»...

Стихи прекрасные, но изъ хода поэмы они исключены поэтомъ. Вмѣстѣ со стихами 1168—1169 они были написаны 2-го марта, а за исключеніемъ ихъ, для 2-го марта остались только два стиха.

— Послѣ 1172 стиха были еще слѣдующіе, зачеркнутые поэтомъ, прекрасные стихи:

«На мѣстѣ томъ, гдѣ издыхалъ разбойникъ
Въ мученіяхъ креста, я повторилъ
Его молитву и пошелъ съ Голгоѳы».

— Вслѣдъ за 1190 стихомъ читаются слѣдующіе стихи, также зачеркнутые:

«Въ тотъ мигъ, когда къ вершинѣ Элеонской
Горы пришелъ я, солнце встало на востокѣ.
И съ этой высоты, съ которой, все
Земное совершивъ, Онъ отъ земли
Вознесся и въ святомъ святыхъ небесъ
Сокрылся — вся судьба людей въ единомъ
Мнѣ образѣ предстала:
Ерусалимъ въ обломкахъ межъ Голгоѳы
И свѣтлою горою Элеонской»...

Это собственно набросокъ того, что слѣдуетъ дальше въ текстѣ.

— За 1203 стихомъ слѣдуютъ зачеркнутые и перечеркнутые стихи:

«Такимъ прообразительнымъ видѣньемъ
Былъ взоръ мой пораженъ; моя судьбина
Вся выразилась въ немъ и съ нею вся
Судьбина падшаго и искупленьемъ
Возстановляемаго міра. Я»...

— Послѣ 1222 стиха, за словомъ «странствую» стояло:

. . . . один,
Людьми незнаемый, въ сердца ихъ страхъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье
Вселяющій...

они въ текстѣ явятся очень скоро, нѣсколько измѣненные.

— Варіанты отъ стиха 1309-го:

. . . . но вѣрѣ дверь
Моей души не отворяла воля,
И я, проклятый Богомъ нечестивецъ,
Самъ проклиналъ и бѣшенствовалъ, жизнь
Неистребимую безумно силясь
Въ противность Вышней Воли истребить».

— Послѣ 1315 стиха было еще:

«. . .вѣра
Внезапный свѣтъ въ мою вліяла душу».

— Послѣ 1320 стиха, вмѣсто теперешняго 1321-го, прежде было нѣсколько стиховъ:

«Вдвоемъ идя безплодною земною
Дорогой, былъ я несказаннымъ чувствомъ
Уединенія въ великой съ Богомъ,
Невидимо присутственнымъ, бесѣдѣ полонъ.

— Къ 1391 стиху примыкали прежде слѣдующіе стихи, зачеркнутые поэтомъ:

«И съ тѣхъ поръ,
Какъ этотъ миръ любви въ меня проникнулъ,
Моя судьба утратила свой ужасъ,
И изгнанный оттуда, гдѣ князь міра
Владычествуетъ, я невластенъ и желать
Благъ міра; я на жизнь людей смотрю
Съ недостижимой высоты, съ которой
Она видна мнѣ вся, какъ съ Арарата
Былъ виденъ весь послѣпотопный новый
Собравшійся кругомъ его подошвы
Родъ человѣческій; однимъ ее
Объемлю взоромъ я, всѣхъ чуждый
Ея волненій, благъ и бѣдствій, сердцемъ
Ихъ раздѣляющій, но одинокой
Моей судьбой имъ непричастный»...

— Послѣ 1423 стиха зачеркнуты два стиха:

. . . . . .(когда)
Могучій юноша, вступить готовый
Въ бой съ жизнію, бездыханный лежитъ»...

— Къ стиху 1437 присоединялись прежде стихи:

. . . . (сохранившимъ.) Ропотъ
Однако чуждъ мнѣ, я постигъ вполнѣ
Величіе меня сразившей казни.

И вслѣдъ за этими стихами шли 1469 и т. д. Все между ними — отъ стиха 1438 до 1469-го — позднѣйшая вставка.

— Стихъ 1485 прежде продолжался такъ:

Себя — и привязалъ
Меня къ Себѣ раскаянья силой
Неразрушимою; за Нимъ во слѣдъ...

— За 1490 стихомъ слѣдовало:

И если я, забывшись иногда,
Вздохну усталый о покоѣ смерти,
Я чувствую, что руку мнѣ Его
Рука спасительная жметъ, и близость
Его моей душѣ тогда слышнѣе.

Прекрасные стихи, о которыхъ пожалѣешь, что выпущены изъ текста.

Вотъ всѣ важнѣйшіе пропуски и варіанты въ поэмѣ Жуковскаго, которые мы сочли нужнымъ спасти отъ забвенія, слѣдуя завѣту Пушкина. Внимательному читателю они не мало скажутъ о процессѣ созданій Жуковскаго, о строгости его къ самому себѣ, о чуткости его критическаго вкуса и проч.

Примѣчанія къ тексту поэмы въ настоящемъ изданіи.

— 19-й стихъ. Въ рукописи: «грустный», а не «скорбный», какъ въ печати доселѣ.

— Въ сентябрѣ 1851 года, въ письмѣ къ Плетневу, Жуковскій писалъ о своей поэмѣ, между прочимъ, вотъ что: «Что напишу съ *закрытыми* глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію. *Въ связи же читать не могу безъ него.* Такимъ образомъ лѣплю поэтическую мозаику, и самъ еще не знаю, каково то, что до сихъ поръ слѣплено ощупью»... Для насъ весьма важны слова поэта, подчеркнутыя нами, важны въ томъ смыслѣ, что самъ онъ не могъ ясно видѣть, какъ именно начинается и оканчивается каждый стихъ; иначе онъ въ одно мгновенье увидѣлъ бы, что стихи, стоящіе въ рукописи:

35 «Буквóй въ мозгъ его былъ вдавленъ, тамъ»...

и 37 «Ухý, но страшно слышенъ въ глубинѣ души», — вовсе не стихи. Это очевидно каждому, знакомому съ механизмомъ стиха. Для правильной формы стиховъ, мы позволили себѣ перестановку по *одному* слову изъ строки въ строку, какъ увидятъ читатели въ текстѣ нашей редакціи (стихи 34—37).

— Въ 42-мъ стихѣ мы вставили въ скобкахъ слово «всѣ», такъ какъ безъ него стиха не выходитъ.

— Стихъ 43-й въ рукописи подчеркнутъ карандашомъ; вѣроятно, поэтъ хотѣлъ его передѣлать.

— Въ стихѣ 67-мъ мы выбросили союзъ «и» передъ словомъ «вотъ», какъ нарушающій стихъ; въ этомъ случаѣ мы послѣдовали гр. Блудову и Плетневу.

— Стихи 68—70, 102, 119, 133, 134, 141, 143, 159, 173, 174, 192, 228, 236, 245, 370—372, 485, 491, 620—

628, 1078, 1121, 1267, 1429—1433, 1523, 1536, 1583 отчеркнуты поэтомъ, съ знакомъ креста, какъ требовавшіе, можетъ быть, исправленія. Въ стихѣ 70 мы поставили «невозмутима», вмѣсто «невыразима», для избѣжанія плеоназма: «невыразима неизглаголанная»; такъ поступили и гр. Блудовъ съ Плетневымъ.

— Въ 76 стихѣ рукописное «горою» замѣнили мы «горой», какъ и всѣ прежнія изданія.

— Въ 79 стихѣ вмѣсто «тоскою» надо было поставить «тоской».

— Въ 85 стихѣ выброшенъ предъ словомъ «невдали» союзъ: «и», какъ лишній.

— Стихъ 98 въ рукописи первоначально начинался словомъ «Воды́», потомъ сдѣлана подчистка и явилось «Водъ», и такимъ образомъ стихъ ямбическій превратился въ хореическій; вѣроятно, писецъ забылъ прибавить эпитетъ, сказанный ему поэтомъ (въ родѣ: «далекихъ водъ», или иначе). Мы возстановили прежнюю редакцію, какъ сохраняющую стихъ. Простое слово «вода» встрѣчается и въ слѣдующемъ стихѣ.

— 144. Въ рукописи: «влажно» — очевидная ошибка.

— 152. Вопреки печатнымъ изданіямъ, въ рукописи: неумолкный.

— 155. Слово «Величества» поэтомъ подчеркнуто карандашомъ; можетъ быть, онъ хотѣлъ замѣнить его другимъ словомъ, напр. «властители».

— 158. Въ рукописи стояло: «*съ* бездны моря», потомъ кѣмъ-то поправлено: «*отъ* бездны моря»; но въ послѣднемъ случаѣ стиха не будетъ; мы сохраняемъ прежнюю редакцію; ошибки филологической въ ней не видимъ.

— 168 и 169 стихи въ рукописи — неравной мѣры: четырехстопный и семистопный:

«На сердце палъ ему, — весь ужасъ
Его судьбы, какъ голова смертельная Горгоны»,

и послѣдній стихъ отмѣченъ у поэта крестомъ, несомнѣнно какъ

требующій исправленія. Мы перенесли изъ второго стиха слово «его» въ предыдущую строку и составили прибавкою и перестановкою оба стиха шестистопными.

— 175. Въ рукописи стояло «И всю ему проникло душу отвращенье — шестистопный стихъ безъ цезуры; перестановкою словъ достигается бо́льшая правильность стиха.

— 190 стихъ въ рукописи читается: «Сказалъ: куда, Наполеонъ! При этомъ зовѣ»... Но слово *«куда»* прибавлено *сверху* строки; намъ кажется, что оно лишнее: во 1-хъ, вслѣдствіе его является неправильный 6-ти-стопный стихъ, а во 2-хъ, слова́ «куда, Наполеонъ» не будутъ «зовомъ», а вопросомъ, и одно слово «Наполеонъ» является сильнѣе; въ самомъ тонѣ, которымъ оно сказано, заключаются и зовъ, и предостереженіе. Въ стихѣ 228 прямо говорится: тебя *не назвалъ*; а для названья, довольно одного слова «Наполеонъ».

— При ст. 216-мъ рукой Плетнева написано: *«конецъ 12-й страницы въ печатномъ»*; что́ означаютъ слова эти — не понимаемъ. Въ изданіи «Агасвера», вышедшемъ подъ редакціей Плетнева (1857) видимъ слѣдующій стихъ измѣненнымъ въ печати, вмѣсто стиха Жуковскаго «Казались вылитыми; лобъ», тамъ читаемъ: «Казались вылиты; чело его»...

— 241. Въ рук. «И въ смерти жизни»... Мы это считаемъ ошибкой писца — не видимъ здѣсь яснаго смысла, — и принимаемъ редакцію гр. Блудова и Плетнева, которой смыслъ: «Лишенный смерти и вмѣстѣ съ лишеніемъ смерти лишенный общечеловѣческой жизни».

— 255. Въ рук. ошибка: «передо мною».

— 261. Рукою поэта ясно надписано «пиршествѣ»; прежде было: «За этой тра́пезой созданій», но слово «трапезой» не зачеркнуто, и потому попало въ печатныя изданія. Далѣе, въ слѣдующемъ стихѣ, повторяется слово «трапе́зы», и поэтъ, вѣроятно, для того, чтобы избѣгнуть повторенія одного и того же слова съ *двоякимъ* удареніемъ на немъ, хотѣлъ опустить его въ одномъ стихѣ.

— 278. Въ рук. именно дважды: «Нѣтъ! о нѣтъ!» Въ печати — разъ.

— 292. Въ рук. по ошибкѣ нѣтъ союза «*и*» предъ словомъ «что», и стиха не выходитъ.

— 298. Въ рук. «Удара громоваго... дни нескáзанной»: это очевидная ошибка: во 1-хъ, здѣсь стиха нѣтъ, во 2-хъ, строка кончается дактилемъ, чего *ни разу* не встрѣчается въ цѣлой поэмѣ; въ 3-хъ, слово «несказáнный», въ смыслѣ «невыразимый», всегда имѣетъ удареніе на *третьемъ* слогѣ: несказáнной: сравни здѣсь же стихи 128, 454, 573, 1285, 1344, 1401, — вездѣ на третьемъ слогѣ. Безъ сомнѣнія, писецъ здѣсь пропустилъ слово «тѣ» или «въ тѣ» дни (сличи стихъ 294). Гр. Блудовъ и Плетневъ поставили здѣсь: «въ дни тяжелой»; но это ужъ большое отступленіе отъ смысла рѣчи Жуковскаго.

— 316—317 стихи читаемъ въ рукописи нѣсколько иначе, чѣмъ въ печати доселѣ.

— Въ стихѣ 320 удерживаемъ пунктуацію рукописи.

— 325. Здѣсь мы отступили отъ рукописи, гдѣ сказано: «*ядомъ* слова»; мы приняли редакцію гр. Блудова и Плетнева: «*силой* слова». Противникамъ Христа, конечно, пріятнѣе сказать «ядомъ»; *жидъ*-Агасверъ могъ бы сказать «ядомъ»; но здѣсь разсказываетъ *христіанинъ*-Агасверъ, который съ любовію говоритъ о Христѣ: «Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все»... и т. д.; стало быть, приписать *ядъ* слову Христа онъ не могъ психологически. Вѣримъ, что тѣнь поэта не укоритъ за эту поправку, сдѣланную гр. Блудовымъ и Плетневымъ, которыхъ поэтъ любилъ слушаться.

— 347. Во всей рукописи внимательно сохраняется правописаніе «Іисуса», хотя для стиха надо читать одно І.

— 374. Въ рук. «Вкругъ»: видимая ошибка.

— Въ концѣ 386 стиха стоитъ слово «камнемъ», и въ концѣ 387 стиха поэтъ опять приписалъ слово «камнемъ»: въ послѣднемъ стихѣ оно необходимо, потому что дополняетъ *трехстопный* стихъ; въ первомъ же стихѣ, который прежде читался «Ка-

зался я надгробнымъ, мертвымъ камнемъ» поэтъ произвелъ передѣлку: прибавилъ въ началѣ «и правнуковъ», стало быть долженъ былъ четыре слога отбросить, — онъ зачеркнулъ «мертвымъ», а «камнемъ» забылъ.

— Въ 441 стихѣ поэтъ, исправляя стихъ, зачеркнулъ бывшее прежде слово (въ началѣ стиха) «Ерусалимъ», написалъ: «Господній»... и забылъ приписать къ нему слово «градъ».

— Въ 499 ст. читаемъ: *«и всѣ»*; но здѣсь что-то лишнее: нарушается стихъ; мы опускаемъ слово «всѣ»; союзъ «и» тутъ нужнѣе своего сосѣда.

— Въ 503 стихѣ поэтъ въ началѣ приписалъ «не зрѣлося», а забылъ вычеркнуть тоже самое слово, стоящее въ предыдущемъ 502 стихѣ.

— 525 ст. читается въ рукописи: «И жизнь безъ смерти. *Я въ бѣшенствѣ забылъ»*; но такъ стиха не выходитъ, и мы допускаемъ перестановку словъ.

— Стихъ 569 написанъ самимъ поэтомъ (черниломъ) такъ: «Всего живущаго я ненавидѣлъ», потомъ имъ же самимъ, надъ словами «Всего живущаго», надписано карандашомъ: «Во всемъ твореніи»; мы принимаемъ *послѣднюю* поправку его.

— Въ рук. въ стихѣ 580: *жаждой* — очевидная ошибка.

— Стихъ 608 въ изданіи гр. Блудова гораздо яснѣе: «Встающая одна межъ одинокихъ», но мы остались вѣрны рукописи.

— Въ рук. въ 633 ст. надежда *бѣдная*, но не описка ли это писца? можетъ быть — блеснула надежда *блѣдная*?

— Въ 652 стихѣ послѣднее слово весьма неразборчиво; прежде было «обрывки», но зачеркнуто.

— Стихи 668 и 669 въ рук. читаются такъ:

«Былъ обращенъ, и въ море, на́ брегъ
Гонимое землетрясенья силой»...

Но первая строчка видимо не составляетъ стиха, и потому оказалось необходимымъ слово «на брегъ» перенести въ слѣдующую строку и такимъ образомъ оба стиха явились правильными, хотя

не одинакой мѣры (3-хъ стопный и 6-ти стопный). Между тѣмъ въ печатныхъ изданіяхъ встрѣчаемъ совсѣмъ не то; напр. въ 7 изданіи (стр. 187):

Былъ обращенъ, и въ море,
Гоним*ый* землетрясенья силой...

Тутъ выброшено слово «на брегъ» и нарушены во второй строкѣ и стихъ и смыслъ: тутъ Агасверъ является гоним*ый* въ море, а у поэта рисуется само море, на брегъ гонимое землетрясенья силой: совсѣмъ другая картина; пропала она и въ изданіи гр. Блудова и Плетнева.

— Въ 682 ст. вмѣсто «затвори молчаньемъ», стояло: «на замокъ запри», «на замокъ» зачеркнуто, а «запри» нѣтъ; а между тѣмъ очевидно, оно лишнее.

— Съ 697 стиха начинаются отмѣтки поэта, когда какіе стихи имъ были написаны; мы ихъ ставимъ слѣва текста, въ скобкахъ.

— 716 стихъ дѣйствительно таковъ въ рукописи, и потому во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ онъ напечатанъ ошибочно и не составляетъ стиха.

— Пунктуація 735-го стиха прежде была: «очутился — я», но самимъ поэтомъ исправлена такъ: «очутился я —»; но такъ какъ при этомъ «я» повторяется дважды при словѣ «очутился» въ 733 и 735 стихахъ, то мы одно «я» (въ 733 стихѣ) опускаемъ.

— 745. Таковъ стихъ въ рукописи. Почему онъ измѣненъ въ печати, и притомъ двояко, мы не знаемъ.

— 774. Въ печатныхъ изданіяхъ: «заклетѣ» — такого слова нѣтъ; въ рукописи ясно: «заклепѣ». Сличи ст. 676.

— 777. Семистопный стихъ. Надо замѣтить, что стихи 772—777 подверглись значительной передѣлкѣ, одинъ стихъ уничтоженъ («Какъ торжествующій, и изъ воротъ»), а послѣдній стихъ оканчивался: «Амфитеатра безпреградно вышелъ». Поэтъ прибавилъ къ нему въ началѣ слова́: «И изъ воротъ», — и явился 7-ми стопный стихъ. Думаемъ, что здѣсь слово «безпреградно» лишнее.

— 800. Въ рук. «съ собою» — очевидная ошибка.

— 828 стихъ былъ написанъ поэтомъ такъ, какъ мы привели его; но писецъ вѣроятно не разобралъ перваго слова и написалъ по немъ «Поплылъ я, корабль мой», въ чемъ вовсе нѣтъ ямба.

— 841. Въ рук. *въ* глубинѣ — ошибка. Нельзя при этомъ не замѣтить, что редакція 840—844 стиховъ, или вѣрнѣе сказать, поправка ихъ, сдѣланная Плетневымъ, вышла удачнѣе и въ духѣ самого Жуковскаго:

Тамъ долго я скитался одинокій.
И вдругъ во глубинѣ долины, скрытой
Отъ странниковъ густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ я... Его,
Апостола......

— 856. Въ рук. ясна поправка «въ прах*ъ*», вм. «въ прахѣ», встрѣчаемаго въ печати.

— 857. Въ печати ошибочно: «*съ тоской* раскаянья».

— 877. Въ рук. «со мною» явная ошибка.

— 881. Въ рук. «Христомъ» очевидная описка вм. «Христа».

— 912—914. Время отъ 17-го сентября 1851 года до 17-го февраля 1852 года было занято составленіемъ «Апокалипсиса».

— 918. Въ печатныхъ изданіяхъ появилось вездѣ: «*полуночной*» прохлады», тогда какъ въ рукописи ясно стоитъ «*полуденной*». Редакторы вѣроятно думали: какъ это *ночью* можетъ быть *полуденная* прохлада!? Но поэтъ здѣсь употребилъ слово «*полуденной*» вм. «*южной*».

— 931. Въ рук. ошибочно «надо мною».

— 972. Въ рук. «мечъ острый», но мы принимаемъ редакцію графа Блудова и Плетнева, какъ согласную съ Апокалипсисомъ (глава I, ст. 16), и у самого Жуковскаго въ его «Апокалипсисѣ» читаемъ «двуострый мечъ» (ст. 12). Вмѣстѣ съ тѣмъ этой поправкой исправляется *трехстопный* стихъ подлинника на пятистопный.

1040—1041. «Прошло *треть вѣка»* — говоритъ Агасверъ — съ той поры, какъ я покинулъ Св. Землю»...; а въ 899 стихѣ онъ говорилъ, что наконецъ сошелъ къ нему сонъ, уже *сто лѣтъ* его не посѣщавшій: какъ согласить эти два крайне-несогласныя показанія? Римъ разоренъ былъ Титомъ въ 70 году по Р. Хр.; св. Игнатій Антіохійскій казненъ былъ Траяномъ въ 107 году; євангелистъ Іоаннъ скончался не позже 108 года; треть вѣка дѣйствительно могла пройти съ той поры, какъ Агасверъ покинулъ Іерусалимъ; значитъ, выраженіе его въ 899-мъ стихѣ, что сонъ *сто лѣтъ* его не посѣщалъ надо признать чисто *поэтическимъ* оборотомъ, въ родѣ: «Сто лѣтъ мы съ вами не видались!»

— Въ 1050 стихѣ нами вставлено слово «всѣ», такъ какъ безъ него не выходитъ стиха.

— 1073. Въ рук. ошибочно: «смертью».

— 1087. Въ рук. «О прежней славѣ *Божіей* народа»; вслѣдъ за прежними изданіями признаемъ это ошибкою и ставимъ: Божьяго народа.

— Въ 1094-мъ стихѣ поэтъ сначала написалъ: «лежитъ», потомъ «лежала», потомъ опять «лежитъ»; въ виду такого сомнѣнія, не лучше ли было бы просто сказать: «На немъ печать благословенья»...?

— 1190. Въ рук. ошибка: «Въ молчаньи»...

— 1274. Ошибка въ рук. «надо мнòю».

— 1279. Въ рукописи читаемъ: «Въ своемъ проклятіи благословенье». Мы принимаемъ здѣсь редакцію гр. Блудова и Плетнева: «Чрезъ строгій приговоръ благословенье», и это вотъ почему: *«проклятія»* не произносилъ Христосъ, Онъ произнесъ свой *«приговоръ»*, какъ самъ Жуковскій нѣсколько разъ утверждаетъ въ своей поэмѣ, см. стихи 18, 326, 329, 335, 802, 1264, 1474.

— 1289. Въ рук. «ничтожно» — ошибка.

— 1298. Слово «иной» пропущено во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ.

— 1299. Здѣсь встрѣчаемъ карандашъ Плетнева, съ невинной замѣткой: «*конецъ 5 листа*»; никакихъ другихъ замѣтокъ его, тѣмъ болѣе поправокъ текста Жуковскаго, мы не встрѣтили *ни одной* во всей рукописи. Поправки явились только въ корректурѣ посмертнаго изданія; кому именно онѣ принадлежали — не знаемъ.

— 1305. Въ рук. «Предъ» — ошибка.

— За 1320 стихомъ видны еще нѣсколько незачеркнутыхъ словъ «моей вины глубокою»... но изъ нихъ не образуется стихъ и они всѣми изданіями опущены.

— Въ 1323 стихѣ слово «пронзая» надписано поэтомъ, но подъ нимъ же стоитъ незачеркнутое «объемля»; поэтъ или колебался, какое слово избрать, или забылъ зачеркнуть послѣднее.

— Въ 1330 ст. въ концѣ есть еще слово «часто», очевидно лишнее, оно потомъ явится въ 1334 ст.

— 1356. Въ рук. *жаждущее*, а не *страждущее*, какъ въ печати. Страждущее сердце надежды не тревожатъ, а успокаиваютъ.

— Послѣ 1375 стиха, въ печатныхъ изданіяхъ встрѣчается такой стихъ:

не словомъ
Бродяги, нѣтъ, могущественнымъ словомъ (и т. д.).

Но этотъ стихъ въ рукописи зачеркнутъ; притомъ онъ читался въ ней иначе:

. . . . что̀
Могу я сдѣлать для людей, бездомный
Бродяга? нѣтъ, могущественнымъ словомъ (и т. д.).

— Начиная съ 1380 стиха, рукопись особенно перепутана выносками, перестановками, вслѣдствіе которыхъ слѣдующій стихъ: «Мнѣ мѣста ни въ какомъ семействѣ» слегка измѣненъ во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ: «Мнѣ мѣста нѣтъ ни въ чьемъ семействѣ»; послѣдней редакціи и мы придержались. Вслѣдствіе тѣхъ же перестановокъ, стихъ 1391 является трехстопнымъ.

Въ печатныхъ изданіяхъ напрасно помѣщаются при этомъ полтора стиха:

«И съ тѣхъ поръ,
Какъ этотъ миръ любви въ меня проникнулъ»:

въ рукописи они и перечеркнуты и зачеркнуты. Съ ними связываются *совсѣмъ другіе* стихи, которые мы приводимъ въ отдѣлѣ «Пропуски и варіанты».

— Въ концѣ 1408 стиха неразборчиво приписано рукою поэта слово: «милыхъ», или «многихъ»; мы его поневолѣ опускаемъ.

— Стихи 1412 и 1413 написаны въ рукописи такъ:

Сначала дышущаго тяжко, вдругъ
Блѣднаго и миротворнымъ сномъ...

Но въ этомъ видѣ послѣдній стихъ является не ямбомъ, а хореемъ; чтобы возстановить ямбъ, мы перенесли слово «вдругъ» изъ первой строки во вторую.

— Стихъ 1461 въ рук. таковъ:

«Единое совокуплясь, чашей»

Тутъ стиха нѣтъ; вѣроятно пропущено другое «*я*» въ словѣ «совокуплясь», а дательнаго падежа «чаш*ѣ*» требуетъ глаголъ «предстоятъ», слѣдующій далѣе.

— Въ 1467 стихѣ ошибка въ рукописи: уничтоженіе.

— Въ 1469 стихѣ лишнія два слова: «О чтобъ я былъ *бы я* безъ этой казни»...

— 1499. Въ рукописи «Твое, а не мое да будетъ!» Но такихъ словъ Христосъ не произносилъ, и мы приняли передѣлку этого стиха въ посмертномъ изданіи:

«*Твоя, а не моя да будетъ воля!*»

— Въ 1526 стихѣ въ рук. ошибка: «страданіемъ».

— 1529—1530. Въ этихъ стихахъ просимъ угадать мысль поэта: что́ у него «Господняя» — «бесѣда», или «книга». Печатныя изданія разошлись: посмертное (1857) и г. Сербиновича (1869) говорятъ: «Господняя книга», а изданіе г. Глазунова (1878) утверждаетъ: «бесѣда Господняя». Въ рукописи же авто-

ра ни послѣ слова «бесѣда», ни послѣ слова «Господняя» запятыхъ нѣтъ. Мы придерживаемся посмертнаго изданія.

— 1532. Въ рук. «Евангелье» — ошибка: это слово сокращенію не подлежитъ.

— 1557. Въ рук. «А смирнымъ»—конечно ошибка: едва ли поэтъ употребилъ бы такое прозаическое слово, говоря о молитвѣ. Сказать же «смиреннымъ», какъ сдѣлало изданіе 1878 года, не будетъ ямба, а шестистопный хорей. Мы придерживаемся редакціи гр. Блудова и Плетнева.

— 1576. Въ рук. «Созданіи» — ошибка.

— 1596. Въ рук. «волненьяхъ» — ошибка.

— 1613. Въ рук. «видѣнья» — ошибка.

— 1616. Въ рук. ясно «Великое», а не «Великаго», какъ во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ.

Этимъ (1616) стихомъ оканчивается послѣднее, прерванное смертью, созданіе поэта и кончается 7-я тетрадь его рукописи. На восьмой тетради Плетневъ надписалъ: «Въ ней два полулиста: на первомъ, равно какъ и на другомъ, расписаніе будущаго разсказа». Плетневъ тутъ ошибся: это вовсе не расписаніе *будущаго* разсказа, это программа «Апокалипсиса», которую поэтъ исполнилъ *всю*. «Апокалипсисъ» Жуковскаго мы помѣстили вслѣдъ за его поэмой.

— Въ V томѣ Сочиненій Жуковскаго (изд. 1878, стр. 545) говорится, что въ спискѣ, сдѣланномъ г. Бартеневымъ съ подлинной рукописи Жуковскаго, считается 1625 стиховъ; между тѣмъ въ поэмѣ, напечатанной въ томъ же томѣ, мы насчитали 1630 стиховъ: стало быть, по рукамъ ходило нѣсколько списковъ, несогласныхъ даже въ счетѣ стиховъ. Нумерація же подлинной рукописи чрезвычайно перепутана, непослѣдовательна и на нее положиться никоимъ образомъ нельзя. Въ концѣ ея указывается всего 1574 стиха, но это далеко отъ правды. По нашему счету, въ ней 1616 стиховъ; если же прибавить къ нимъ опущенные нами, *какъ зачеркнутые самимъ поэтомъ*, 14 стиховъ, получимъ 1630 стиховъ, какъ было въ прежнихъ изда-

ніяхъ. Но мы эти 14 стиховъ помѣстили въ варіантахъ и къ нимъ извлекли изъ рукописи еще болѣе 90 стиховъ, или просто опущенныхъ поэтомъ, или передѣланныхъ имъ.

Вопреки мнѣнію К. К. Зейдлица, который говоритъ, что Жуковскій написалъ *почти половину* предначертаннаго цѣлаго, мы полагаемъ, что поэту до конца оставалось уже немного стиховъ, и это вотъ почему: 13-го сентября 1851 года онъ писалъ Плетневу: «Думаю, что уже около половины (до 800 стиховъ) кончено». Дѣйствительно, въ этотъ день были имъ написаны стихи 757—797. Съ той поры онъ написалъ еще 816 стиховъ, очертилъ всю судьбу Агасвера, обозначилъ характеръ его странствованія въ настоящемъ; своимъ разсказомъ Агасверъ уже могъ успокоить взволнованную душу Наполеона, и ему оставалось только такъ-же незамѣтно исчезнуть, какъ незамѣтно онъ появился. Бесѣдъ у него съ Наполеономъ не могло быть, — самъ поэтъ говоритъ, устами Агасвера:

«Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя». (Стихи 229—231).

— Въ составъ поэмы, написанной пятистопными стихами, вошли въ настоящемъ изданіи:

2 трехстопныхъ — 668 и 1391.

46 четырехстопныхъ—54, 55, 57, 83, 93, 132, 208, 212, 217, 219, 245, 268, 270, 275, 284, 293, 343, 411, 429, 486, 495, 531, 540, 568, 585, 618, 642, 644, 648, 673, 685, 705, 772, 831, 906, 937, 998, 1070, 1085, 1090, 1255, 1300, 1320, 1403, 1408, 1468.

38 шестистопныхъ — 22, 25, 51, 58, 69, 75, 84, 88, 91, 137, 151, 157, 175, 191, 206, 244, 298, 349, 373, 417, 432, 549, 623, 650, 669, 738, 829, 836, 855, 856, 872, 877, 884, 940, 1088, 1094, 1230, 1499.

1 семистопный — 777.

Всѣ остальные стихи — пятистопные.

Присоединяемъ въ заключеніе нѣсколько библіографическихъ указаній.

Поэма Жуковскаго, кромѣ изданія своего въ собраніи его сочиненій, была еще отдѣльно издана два раза Московскимъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, въ 1870 и 1876 годахъ (продаваясь по 20 коп. и по 12 коп.), и второе изданіе печаталось въ 1,500 экземплярахъ.

Кромѣ поэмы Жуковскаго, въ литературѣ нашей существуютъ еще двѣ поэмы подъ названіемъ «Вѣчный Жидъ»: одна — Александра Кирилловича *Жуковскаго*, писавшаго подъ псевдонимомъ *Бернета* (см. отрывки изъ нея въ Утренней Зарѣ на 1839 г. и въ Библіот. для Чтенія 1839 г., т. 34); другая поэма — *Губера* въ его Сочиненіяхъ (изд. 1859 г., т. 1, стр. 413—428). И обѣ эти поэмы — неоконченныя; и Губеръ тоже не задолго до смерти началъ свою поэму. Изъ поэмы Жуковскаго (Бернета) мы знаемъ только отрывки и ничего о ней сказать не можемъ; а поэма Губера стóитъ полнаго вниманія, и очень жаль, что она едва начата — написанъ только прологъ.

Въ переводной литературѣ нашей есть также отрывки изъ поэмы на ту же тему «Вѣчный Жидъ», изъ *Христіана Шубарта* (1739—1791); см. сборникъ Гербеля «Нѣмецкіе поэты», Спб. 1877, стр. 110, перев. П. Вейнберга. А въ другомъ переводномъ отрывкѣ изъ поэмы *Роберта Гамерлинга* (1832) «Агасферъ въ Римѣ» главный герой—Неронъ, и личность Агасфера представляетъ здѣсь не Вѣчный Жидъ, а первый убійца—Каинъ, которому также былъ произнесенъ приговоръ — быть изгнанникомъ и скитальцемъ на землѣ. Отрывокъ изъ этой поэмы, въ переводѣ *Ѳ. Миллера*, напечатанъ въ Отеч. Запискахъ 1872, №№ 9 и 10 и въ упомянутомъ изданіи Гербеля, стр. 636. Напомнимъ еще, что *Гете* также задумывалъ написать эпическую поэму изъ исторіи Вѣчнаго Жида, но успѣлъ составить только программу ея, которую самъ онъ разсказываетъ въ извѣстной книгѣ «Поэзія и правда моей жизни» (см. Сочиненія Гете, изданіе Гербеля, т. X, Спб. 1880, стр. 557—559).

«Апокалипсисъ» тоже былъ предметомъ переложенія въ нашей литературѣ, именно — главы IV—X его переданы А. Н. Майковымъ (см. его Стихотворенія, изд. 1872, т. III, стр. 1—16). Его переложеніе полнѣе и ближе къ славянскому тексту священной книги, чѣмъ у Жуковскаго, а передано также пятистопнымъ ямбомъ.

Въ концѣ концовъ — поправка опечатки: на стр. 8-й нашего предисловія, въ строкѣ 8-й снизу, вкрались совершенно излишнія слова: «и хотѣлъ дать ему отвѣчать»; ихъ надо уничтожить. А въ 9-й строкѣ, предъ словомъ: «и собирался» должны стоять кавычки (»), а не запятая.